

---

восходит к мужскому имени монгольского происхождения Чагатай, широко распространенному и в тюркской среде. В основе лежит монгольско-тюркское слово «храбрый, честный, искренний»<sup>48</sup>. Получивший такое прозвище родоначальник Чаадаевых, очевидно, обладал соответствующими качествами, и его потомки вряд ли нуждались в родстве с мценским воеводой Григорием Протасьевичем.

---

<sup>48</sup> Например, сын Чингисхана Чагатай и племя чагатай, из которого происходил Тимур (Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 223).

С. Н. Азбелев

## К ВОПРОСУ ОБ УСТНОМ ОРИГИНАЛЕ ЛЕТОПИСНОЙ ПОВЕСТИ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

Первостепенный источник достоверных сведений о Куликовской битве — летописная повесть — существует, как известно, в нескольких разновидностях далеко не одинаковой полноты. Наиболее полный вид ее подробной редакции сохранился только в двух списках XVI и XVIII в. Старший список — в составе Новгородской летописи Дубровского (далее — НЛД), младший — в составе Архивской летописи (прежде известной под неудачным названием Ростовской). Взаимоотношение этих летописей было выяснено А. А. Шахматовым<sup>1</sup>. Первая представляет собой Новгородский свод 1539 года, вторая — результат соединения его с Московским летописным сводом. В рукописи, содержащей Архивскую летопись, начиная с известий 1479 года и до конца ее находится текст НЛД, ранее — текст компилятивный, сходный с ней только в отдельных своих частях<sup>2</sup>. Одна из таких частей и представляет собой младший список полного вида подробной редакции летописной повести о Куликовской битве. Архивский список ее непосредственно не зависит от списка Дубровского, восходя к общему с ним протографу. При дальнейшем изложении мной используются оба списка, но предпочтение отдается старшему и, в основном, более исправному списку Дубровского (разночтения их в необходимых случаях оговариваются). Текстуальные особенности сохранившихся двух списков свидетельствуют, что их общий протограф представлял собой ветхую рукопись, в которой отдельные слова (а иногда и целые строки) уже не читались, а некоторые места при переписке могли быть ошибочно истолкованы.

Неизданный Архивский список используется по рукописи Российского Архива древних актов (РГАДА): Фонд 181. Ед. хр. 20. Л. 361 об.—373 (далее — Арх). Список Дубровского недавно опубликован в составе рукописи, содержащей весь текст второй редакции НЛД<sup>3</sup>. Он передавался изданием скрупулезно: выделены курсивом выносные буквы, скобками обозначены буквы, опущенные под титлами. Но само прочтение рукописи издательницей оказалось порой слишком субъективным, влияя даже на понимание смысла. В тексте Повести о Куликовской битве встретились два таких случая достаточно серьезных<sup>4</sup>; есть и немало других примеров спорного прочтения, что побудило использовать список Дубровского непосредственно по

---

<sup>1</sup> См.: Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904.

<sup>2</sup> См.: Азбелев С. Н. Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 219—228.

<sup>3</sup> См.: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского (ПСРЛ. Т. 43) / Подгот. текста О. Л. Новиковой; подгот. приложения И. В. Легких и И. В. Федоровой. М., 2004. С. 131—137.

<sup>4</sup> В издании: «[С]и замолчас(я), знаян болших неподсекоша» — в рукописи: «И за мал час знаян болших не подсекоша»; в издании: «и побежени агаряне» — в рукописи: «о побежении агарян» (Л. 255 и 256—256 об.).

рукописи РНБ: ОСРК. F. IV. № 238. Л. 247об. — 259 (прежняя пагинация: 244 об.—256; далее — Дубр). Для сопоставлений этих списков с другими разновидностями Повести мною используется в основном недавнее научное их издание в академическом сборнике «Памятники Куликовского цикла»<sup>5</sup>. Принятого в нем способа передачи древнерусского текста я придерживаюсь и при цитировании упомянутых рукописей.

Названный сборник полезен не только и, может быть, даже не столько компактной публикацией самих произведений Куликовского цикла (многие из них издавались неплохо и прежде), сколько текстологическими примечаниями и историческими комментариями, где представлены результаты исследований, в значительной мере выполненных самими публикаторами. Что касается Летописной повести о Куликовской битве, то в примечаниях и комментариях, написанных главным образом В. А. Кучкиным, были предложены истолкование взаимоотношений основных ее редакций и современное понимание их исторической основы — в развитие начатого трудами С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматова. Однако изучение Повести, как и других текстов этого цикла, конечно, продолжается и будет продолжаться. Уже совсем недавно появились использующие эту книгу исследования А. А. Горского и А. К. Зайцева<sup>6</sup>. И их труды, и сам упомянутый выше сборник вновь актуализировали вопросы, о которых мне довелось некогда писать в трех последовательных выпусках тогдашних академических сборников «Летописи и хроники»<sup>7</sup>.

<sup>5</sup> См.: *Памятники Куликовского цикла* / Составители: А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. Главный редактор Б. А. Рыбаков. Редактор В. А. Кучкин. СПб., 1998 (далее — ПКЦ).

<sup>6</sup> См.: *Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства*. М., 2004. С. 248–263 и др.; *Зайцев А. К. О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи* // И. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Тула, 2002. Т. II. С. 30–44.

<sup>7</sup> См.: *Азбелев С. Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского* // *Летописи и хроники*. 1973. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 164–172; *Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла). Начало* // *Летописи и хроники*. 1976. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 78–101; *Окончание* // *Летописи и хроники*. 1980. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 129–146. Перечисление здесь этих публикаций вызвано необходимостью устранить историографическое недоразумение. В названных выше трудах В. А. Кучкина и А. А. Горского мне попались упоминания, смысл которых состоит в том, что мои результаты были тогда же опровергнуты М. А. Салминой. На ее возражения я не реагировал вследствие вполне очевидной для меня их несостоятельности по существу и несерьезности аргументирования. Впрочем, статья ее была пространна и вызывающе категорична, а напечатана оказалась не в разделе «полемика» (что соответствовало бы ее жанру), но открывала собой раздел «исследований» в томе «Трудов Отдела древнерусской литературы» (секретарем редколлегии которых тогда была М. А. Салмина). Эти внешние обстоятельства, вероятно, способствовали тому, что, поскольку моего ответа в печати не появилось, некоторые коллеги впоследствии посчитали, что сделанные мне возражения были в основном оправданны, — не утруждаясь внимательным рассмотрением многословных и непоследовательных суждений М. А. Салминой. Приходится мне все же попутно этим заняться теперь — при дальнейшем обсуждении поднятых тогда вопросов. Начиная разговор о них, уже довелось критиковать более раннюю работу М. А. Салминой (похожего уровня) не уделяя ей слишком большого внимания. Следствием оказались обиженный тон и даже эмоциональные пассажи в реакции на мои статьи 70-х годов. Ныне я принужден рискуя злоупотребить терпением читателей учитывать уже всю совокупность тех построений М. А. Салминой, результаты которых, как оказывается, не только ей представились успешно противостоящими выводам упомянутых моих работ. — См.: *Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»* // *Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла*. М.; Л., 1966. С. 344–384; *Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве* // *ТОДРА*. 1977. Т. 32. С. 3–39. Показателями иногда беглого ознакомления упомянутых коллег с этими (и некоторыми другими) статьями могут отчасти служить библиографические ссылки. В комментарии В. А. Кучкина есть примечание: «М. А. Салмина ясно показала, что в списке Дубровского в статье 1380 г. была использована не московская княжеская летопись, а Сказание о Мамаевом побоище, подтвердив тем самым правоту С. К. Шамбинаго, а не А. А. Шахматова. См.: *Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве*. С. 151–161» (ПКЦ. С. 45). Но статья М. А. Салминой 1977 года вообще не содержит таких страниц (не содержит их и ее статья 1966 года), а Шамбинаго и Шахматов в этом вопросе существенно не расходились, считая повесть, дошедшую в списке Дубровского, материалом, который был использован Сказанием о Мамаевом побоище. В одном из примечаний А. А. Горского напечатано: «Мнение, согласно которому летопись Дубровского донесла древнейший рассказ о сражении <...>, убедительно оспорено М. А. Салминой, показавшей, что ее текст вторичен по отношению к тексту Новгородской IV летописи, которая была источником свода 1539 г. (*Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве*. С. 6–22)». (*Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства*. С. 253). Имеется в виду статья М. А. Салминой 1977 г. (предшествующую ее статью

Напомню те из основных тезисов этого исследования, которые относятся непосредственно к Летописной повести о Куликовской битве. Произведение было основано на записи устного повествования о событиях 1380 г., хронологически удаленной от них пятью или шестью годами. Оформление письменного текста, сохранявшее приметы его устного происхождения, произошло, очевидно, в 1386 г. в Полоцке — в окружении участника Куликовской битвы князя Андрея Ольгердовича. Литературная обработка записи отразила политическую обстановку того времени, что заметно повлияло на интерпретации сообщаемых фактов. Публицистическая окраска содержания Повести воспрепятствовала полному включению ее текста в летописные своды XV века, которые составлялись в иных политических ситуациях и отразились в ряде дошедших до нас памятников летописания. Краткая редакция Повести в своде 1408 года, отображенная Симеоновской летописью и Рогожским летописцем, представляет собой, по справедливому заключению А. А. Шахматова, лишь извлечение из подробной редакции. Гораздо меньшему сокращению Повесть подверглась в Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в., к которому восходят, согласно исследованиям А. А. Шахматова, Новгородская 4-я и Софийская 1-я летописи, а через их посредство — и ряд других (в большинстве трудов А. А. Шахматова, соответственно его первоначальному мнению, этот свод обозначался как «свод 1448 года»). Сопоставление упомянутых летописей с появившейся через сто лет НЛД показало, что именно в ней сохранился полный первоначальный вид подробной редакции Повести. Это объясняется тем, что Новгородский летописный свод 1539 года, текст которого представлен рукописью Дубровского, привлекал материалы московского государственного архива<sup>8</sup>.

Находящийся в ней список Повести, как и список ее в составе Архивской летописи, отличается от текстов в летописях, восходящих к НСС, главным образом, наличием трех существенных эпизодов. Только в НЛД описано подробно «уряжение» полков и назначение воевод перед боем; два фрагмента ее текста рассказывают о вступлении в битву находившегося в засаде «потаенного» полка, который возглавлял князь Владимир Андреевич Серпуховский; подробно сообщено, как после победы по его распоряжению отыскивали лежавшего без сознания великого князя Дмитрия Ивановича и они вместе совершили объезд поля боя. Есть и гораздо менее существенные отличия.

С. К. Шамбинаго зафиксировал около сорока расхождений Повести в НЛД с текстом ее в Новгородской 4-й летописи, сочтя наиболее крупные из них результатом вставок, источник которых он не определил<sup>9</sup>. По мысли С. К. Шамбинаго, «вставки понадобились для пополнения существенного пробела», так как «предыдущими редакциями Повести не были использованы все

А. А. Горский не использовал), но в ней разговор о соотношении с летописью Дубровского завершается только на странице 29. В этой своей статье М. А. Салмина возражала на мои публикации 1974 и 1976 годов не дождавшись окончания второй статьи, помещенного в следующем томе сборника «Летописи и хроники» (хотя о предстоящем печатании там этого окончания редакция четко уведомляла читателей тома 1976 года). Выражая теперь согласие с возражениями М. А. Салминой, А. А. Горский называет одну мою статью 1974 года, а В. А. Кучкин — одну статью 1976 года. Судить о результатах спора, думается, следовало бы с учетом трех взаимосвязанных моих публикаций: 1974, 1976 и 1981 г. При дальнейшем изложении я буду вынужден частично повторять аргументацию, в этих статьях уже приведенную, но, как представляется, ускользнувшую от внимания авторов некоторых недавних работ.

<sup>8</sup> В обеих статьях М. А. Салминой утверждалось, что пространная Повесть о Куликовской битве была создана как публицистический отклик на междукняжескую войну 30–40-х годов XV века — в связи с составлением тогда «свода 1448 года», где впервые появился текст Повести, дошедший в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях (Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». С. 372–376; Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 5). Но совсем недавно это построение оказалось фактически дезавуировано новой статьей М. А. Салминой, где предложено датировать НСС уже не 1448-м годом, а серединой XVI века — и соответственно пересмотреть связанную с ним историю летописания. Не вдаваясь здесь в общую оценку ошеломляющей новации (отвергнувшей и весьма компетентные палеографические датировки рукописей реально дошедших летописей), замечу, что она, видимо, озадачила даже ближайших коллег М. А. Салминой, которые эту ее статью напечатали лишь «в порядке обсуждения» (см.: Салмина М. А. К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода // ТОДРА. 2003. Т. 54. С. 172–183).

<sup>9</sup> См.: Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 151–161.

события, действительно имевшие место в описываемую битву»; рассмотрев эти отличия списка Дубр в главе, посвященной Сказанию о Мамаевом побоище, С. К. Шамбинаго вполне определенно высказался по поводу соотношения двух памятников: «Сказание 1 редакции, таким образом, пользуется тем видом Летописной повести, где историческая канва изложена наиболее полно»<sup>10</sup>.

А. А. Шахматов в своем фундаментальном отзыве на труд С. К. Шамбинаго согласился с тем, что Повесть «явилась в конце XIV века»<sup>11</sup> — имея в виду именно пространную редакцию Летописной повести, при этом фактически как раз тот вид ее, который читается в списке Дубр. А. А. Шахматов возводил этот текст к несохранившейся Московской летописи. Он подробно сопоставил параллельные места списка Дубр и Сказания о Мамаевом побоище<sup>12</sup>. Вывод А. А. Шахматова был достаточно определенным: «Из этих общих со списком Дубровского мест заключаем, что Сказание имело в своем распоряжении Московскую летопись», которая, «судя по списку Дубровского, была богата именно фактическим содержанием в своей повести о Мамаевом побоище»<sup>13</sup>.

Подытоживая свои выводы «относительно литературной истории Летописной повести», А. А. Шахматов писал: «Она составлена еще при жизни Дмитрия Донского, но не дошла до нас в первоначальном виде». «С одной стороны, она попадает в Московскую официальную великокняжескую летопись; с другой, ее помещают в общерусский митрополичий свод. Последний довольно точно передал текст Повести, быть может, лишь сократил в нем кое-что». «Из митрополичьего свода 1423 года Повесть переходит в Новгородский свод 1448 г.»<sup>14</sup> (имеется в виду, естественно, НСС 30-х годов XV века).

Что касается Московской летописи, то, согласно А. А. Шахматову, помимо отдельных чтений, Повесть о Куликовской битве, бывшая в этой летописи, может быть преимущественно восстановлена «путем выделения вставок в текст Новгородской 4-й и 5-й летописей в списке Дубровского», а также «путем выделения текста Московской летописи из текста Соф[ийской] 1-й в своде 1480 года»<sup>15</sup>. Относительно последнего А. А. Шахматов писал, анализируя текст Повести по Архивской рукописи, что она «соединяет свод 1480 года с текстом Новгор[одской] летописи по списку Дубровского», и этим «объясняются все особенности содержащейся в ней повести о Мамаевом побоище» — она имеет «ряд вставок, общих со списком Дубровского и ведущих прямо к Моск[овской] летописи»<sup>16</sup>. Таким образом, очевидно, что, согласно мнению А. А. Шахматова, полный текст Повести, составленной еще при жизни Дмитрия Донского, существовал в официальной великокняжеской летописи. Текст, находящийся в НЛД, результат внесения дополнений из нее в сокращенный текст митрополичьего свода 1423 года, представленного — через посредство НСС — Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописями.

Перед тем А. А. Шахматовым был приведен обширный материал тщательных текстологических сопоставлений, результаты которых свидетельствуют о том, что в НЛД отразился

<sup>10</sup> Там же. С. 161.

<sup>11</sup> Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. С. 119.

<sup>12</sup> См.: Там же С. 173–174.

<sup>13</sup> Там же. С. 174, 175. М. А. Салмина, не упоминая А. А. Шахматова, повторила все выявленные им и приводимые в его отзыве параллели, но с противоположной целью: для иллюстрации своей мысли, что «составитель «Летописной повести» списка Дубровского поновлял его и дополнял новыми материалами», обращаясь для этого, возможно, к «самому» Сказанию о Мамаевом побоище (См.: Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 21). Для подтверждения она всюду ссылается на «Основную» редакцию Сказания, что особенно удивительно, так как в статье, напечатанной тремя годами ранее, М. А. Салмина настаивала на противоположном: по ее словам, «Сказание о Мамаевом побоище» Основной редакции было тесно связано с «Летописной повестью», но эта связь предполагает влияние исключительно «Летописной повести» на него» (Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 123).

<sup>14</sup> Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. С. 170.

<sup>15</sup> Там же. С. 173.

<sup>16</sup> Там же. С. 139.

общий протограф Новгородской 4-й, Софийской 1-й и Новгородской 5-й летописей — протограф, предшествовавший общерусскому своду 1423 года и существовавший уже в конце XIV в.<sup>17</sup> А. А. Шахматов показывает, что Повесть, читающаяся в НЛД, в некоторых случаях совпадает или со всеми списками Новгородской 4-й летописи, или с их частью, со всеми или с частью списков Софийской 1-й летописи. К приведенному им материалу можно добавить, что есть и такие случаи, когда, совпадая с Новгородской 4-й летописью, текст Повести сходен одновременно только со списками старшей редакции Софийской 1-й летописи (например: «к великому князю Дмитрию Ивановичу *весть лестную*», «и князь литовский идет на тебя же со всею силою *своею*»).

А. А. Шахматов «с особенным вниманием» отметил «места, где чтение списка Дубровского оказывается более первоначальным, чем чтения как Соф[ийской] 1-й, так и Новгор[одской] 4-й»<sup>18</sup>.

«Сюда относится, — писал А. А. Шахматов, — в особенности следующее место: в повести согласно по всем редакциям сообщается после описания битвы, что верные видели, как в 9 часу христианам помогали ангелы и полк святых мучеников, — воина Георгия и славного Дмитрия и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба, среди которых был воевода «свершенного полка небесных сил» архистратиг Михаил. Далее читаем в Новг[ородской] 4-й: «двои воеводы видѣша полци, тресолнечный полк; и пламенные ихъ стрѣлы, яже идутъ на нихъ». В списке Дубровского вместо этого: «Тако же и погании видѣша полки по воздуху парящих и избивающее их немилостивно (здесь должно быть двоеточие. — С. А.) двои воеводы 3 солнечные полки и пламенные их стрѣлы, яже идутъ на нихъ». Смысл этой последней фразы гораздо яснее: поганые (вероятно, названные при этом Половцами, что переделано в полци) видели двух небесных воевод и три полка с пламенными стрелами, шедших на них. Между тем в Соф[ийской] 1-й и Новгор[одской] 4-й выходит, что двое воевод (московских?) видели это, причем дальнейшее «на нихъ» не заменено более подходящим «на Татаръ» или «на поганыхъ». — Укажем еще на одно место: к словам, вложенным в уста Дмитрию перед самым сражением: «братие! Богъ нам прибѣжище и сила» в списке Дубровского прибавлено: «и прочее псалма того». Быть может, и это чтение более первоначально»<sup>19</sup>.

По мысли А. А. Шахматова, основу Повести в НЛД составил текст, читающийся в Новгородской 5-й летописи, который «сверен и дополнен» по Новгородской 4-й летописи,<sup>20</sup> а также «исправлен и дополнен» на основании недошедшей Московской великокняжеской летописи<sup>21</sup>.

<sup>17</sup> Там же. С. 107–116.

<sup>18</sup> Там же. С. 111.

<sup>19</sup> Там же. С. 111. Не имея возможности оспорить эти важные указания А. А. Шахматова по существу, М. А. Салмина прибегла к фальсифицированию летописного текста и к искажениям его смысла. В ее передаче заключительная цитата дважды выглядит как «и проче псалма того» (Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 13), тогда как буквы «т» нет в рукописях: в списке Дубр написано «проче» с надстрочным «ч», в Арх — «прочее» (на листах, соответственно, 254 об. и 367 об.). Дабы читатель статьи М. А. Салминой не усомнился в точности ее цитирования, «исправившего» цитирование этого места А. А. Шахматовым, она даже в скобках указала номер листа («251 об.»), не совпадающий с номером, реально стоящим на этом листе (отличная от современной старая пагинация, которой воспользовалась М. А. Салмина, проставлялась только на каждом десятом листе). Великий князь мог на поле боя произносить псалом по памяти, но, конечно, не стал бы тогда читать его в книге. Обесмыслив текст искажением цитируемого слова, М. А. Салмина отказывается признать такое «случайное чтение первоначальным» ввиду отсутствия «доказательств». На искажении смысла основана и попытка оспорить первое указание А. А. Шахматова. По словам М. А. Салминой, «текст НЛД действительно испорчен перестановкой слов, но из СИЛ следует, что «полци» — татарские, а воеводы — небесного воинства». В действительности и этот текст не менее испорчен, что было бы ясно, если бы вся фраза Софийской 1-й летописи оказалась процитирована: «Два воеводы вѣдѣша оканнии полци тресолнечныя полки и пламенны ихъ стрѣлы, яже идутъ на нихъ» (ГКЦ. С. 38). Заменяя цитацию летописного текста не соответствующим его содержанию «пересказом», М. А. Салмина делает вид, что она возразила А. А. Шахматову (после чего пытается еще затемнить ясный смысл соответствующего фрагмента НЛД необоснованным его препарированием).

<sup>20</sup> Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. С. 106.

<sup>21</sup> Там же. С. 111; ср. с. 139.

Эти выводы требуют некоторых уточнений. Из приведенных А. А. Шахматовым в качестве доказательства десяти общих особенностей повести в НЛД с Новгородской 5-й летописью<sup>22</sup> семь должны быть отведены, так как они оказываются общими с Софийской 1-й или Новгородской 4-й. Остальные три чтения следующие: «хотя плѣнити хрестьянство» («христианъ» Новгородской 4-й летописи); «всеа силы и рати» («всее силы и всех ратии» Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей); «в самый праздник Рожества святыя Богородица» («Госпожинъ» Новгородской 4-й летописи, «Рожества пречистыя» Софийской 1-й летописи)<sup>23</sup>. Этого, конечно, недостаточно для вывода, что Новгородская 5-я летопись — основной источник повести в НЛД. Последняя имеет ряд гораздо более существенных отличий от текста Новгородской 5-й летописи. Некоторые части повести в НЛДубр, сходные с Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописями, вообще не имеют соответствия в Новгородской 5-й летописи<sup>24</sup>.

По-видимому, заключение А. А. Шахматова о Новгородской 5-й летописи как основном источнике повести в НЛД связано с его замечанием, что гипотеза о пользовании «Новгор[одскою] 4-ю и Новгор[одскою] 5-ю летописями оправдывается текстом и остальных частей» рукописи Дубр. Но данная рукопись включает вторую редакцию НЛД. Редакция эта основана на соединении Новгородской 4-й летописи с первой редакцией НЛД, которая имела в числе своих протографов Московский свод 1491 г.<sup>25</sup> Последний, в свою очередь, был одним из протографов Новгородской 5-й летописи, что не раз показано А. А. Шахматовым<sup>26</sup>. Этим и объясняются черты сходства с Новгородской 5-й летописью летописного текста в рукописи Дубр. Влияние же Московской летописи именно на текст Повести о Куликовской битве в Новгородской 5-й летописи не раз отмечено А. А. Шахматовым специально<sup>27</sup>. Очевидно, что основу Повести в НЛД составил не текст этой Повести в Новгородской 5-й летописи.

А. А. Шахматов приводит ряд убедительных текстологических данных, свидетельствующих, что в НЛД отразился общий протограф Новгородской 4-й, Софийской 1-й и Новгородской 5-й летописей — протограф, предшествовавший общерусскому своду 1423 г. и существовавший уже в конце XIV в.<sup>28</sup>

А. А. Шахматов показывает, что Повесть в НЛД в некоторых случаях совпадает или со всеми списками Новгородской 4-й летописи, или с их частью, со всеми или с частью списков Софийской 1-й летописи. К приведенному им материалу можно добавить, что есть и такие случаи, когда, совпадая с Новгородской 4-й летописью, текст Повести сходен одновременно только со списками старшей редакции Софийской 1-й летописи (например: «к великому князю Дмитрию Ивановичу *въсть лестную*», «и князь литовский идетъ на тебя же со всею силою *своею*»).

Для дальнейшего изучения генетических взаимоотношений текста Повести по НЛД с другими летописями целесообразно дать сводку отсутствующего в Новгородской 4-й, Софийской 1-й и Новгородской 5-й летописях материала Дубр<sup>29</sup>.

<sup>22</sup> Там же. С. 106.

<sup>23</sup> Здесь и ниже я цитирую тексты Повести в Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописях по изданию их в ПКЦ (С. 30—41 и 65—82).

<sup>24</sup> Сам А. А. Шахматов констатировал в других местах своего отзыва, что «в Новгородской 5-й находим более краткий вид повести, чем в Новгородской 4-й» (С. 96), что «повесть о Мамаевом побоище представляет в ней сокращенный текст Новгор[одскою] 4-й летописи» (С. 130). Для сличения с Новгородской 5-й летописью я использовал список РНБ, Погод. 1404-а (Л. 582—589). Издание ее, осуществленное по этому и другим спискам, остановилось на тексте 1352 г. (ПСРЛ. Пг., 1917. Т. IV. Ч. 2. Вып. 1).

<sup>25</sup> См.: *Азбелев С. Н.* Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. 1960. Т. XVI. С. 277—283.

<sup>26</sup> См.: *Шахматов А. А.* К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899 (С. 91—100) и ряд последующих его работ.

<sup>27</sup> См.: *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. С. 113, 130, 135 и др.

<sup>28</sup> Там же. С. 115—121.

<sup>29</sup> Слова, которых нет в параллельном тексте этих летописей, выделены курсивом. В скобках даются разночтения к выделенному по Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописям. Из приводимых примеров исключены те, которые состоят только в более полном титуловании князей (кроме одного особого случая — № 15), а также несколько мелочей, не влияющих на смысл

1. «...князь Андрѣи Полоцкии с полочаны...» («пльсковичи» в Новгородской 4-й, «пьсковичи» в Софийской 1-й).
2. «...Мамаи ста за Дономъ со всѣми силами, возбужая и гордяся...».
3. «...и нача выход ему давати да и силу свою в помощь к нему присылати...» («слати» в Новгородской 4-й и Софийской 1-й).
4. «...а друзи рѣша: «не ходити, понеже зело умножишася врази наша: не токмо татарове но и<sup>30</sup> литва, рязанцы» — не хотяху ити за Дон».
5. «Мамаи же ... смутися сердцемъ и умомъ...».
6. «Князю ... пришедшу за Дон в поле чисто в Мамаеву землю на усть Непрядвы рѣки. И став ту князь велики по достоянию полки разрядив и воеводы учинив. И быша у него тогда в передовомъ полку по божественѣи вѣре самобратныя князь Одрѣи и Дмитреи Олгердовичи, да боярин и воевода Микула Васильевич, да князь Федор Романович Белозерский. А у себя же имѣаше князь велики Дмитреи в полку нѣкоего боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашню, да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка, да князя Ивана Васильевича Смоленского. А с правои рукѣ воеводы учини: князя Андрѣя Федоровича Ростовского, да Федора Грунку, да князя Ондreja Федоровича Стародубского. В лѣвои рукѣ воеводы учини: князя Васильевича Ярославского да Лва Морозова, да князя Федора Михайловича Моложского. В сторожевомъ полку тогда воеводы учини: Михаила Иванова сына Окинфовича да князя Семена Костянтиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Поружского, да Андрея Серкиза, инья же свои полкы многи разрядив и воеводы учини. В западном же полку, в дубравах утаив благороднаго и храбраго брата своего князя Владимира Андрѣевича да с нимъ нѣкоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михайловича Волынца, да князя Романа Михайловича Брянского, да князя Василья Михайловича Кашинского, да князя Романовича Новосилского. Исполчився, поидоша противу себе<sup>31</sup>. Господь Бог един вождаше его...»
7. «...извлекоша оружия обоюдоустри в руках ихъ, яко («и» в Новгородской 4-й и Софийской 1-й) орли разбивахуся...» («сбирахуся» в Новгородской 4-й и Софийской 1-й).
8. «Самъ же князь великии Дмитреи Иванович восхоте наперед подвизатися: увидѣв окоянные полки татарския, наѣха наперед в сторожевых полцех на поганнаго царя Теляка, нареченнаго плотного дьявола Мамаи. Паче («таче» в Новгородской 4-й и Софийской 1-й) потом<sup>32</sup>, недолго попустя, отъеха князь велики в полкъ, но воеводы удержаша его, не даша ему наперед своим полком битися. А се, поиде великая рать Мамаева...».
9. «И рече слово псаломское: «братие! Богъ намъ прибѣжище, сила» — и проче псалма того».
10. «...яко же сему великому князю Дмитрию Ивановичю всея Руси. И в те же поры хотяше князь Владимир Андрѣевич своим полкомъ ударитися на агаряны, но Дмитреи Волынца глаголаше ему: «пожди мало, господине, како будетъ время» — понеже бѣаше<sup>33</sup> мудръ и храбръ, и искусен многажды ратному чину. Биющем же ся им от 6-го часа и до девятого...».
11. «...каждо бо своего супротивника искаше победити. И за мал час знамян больших не подсекоша, а самого же великого князя велми язвиша и с коня збиша<sup>34</sup>. При часѣ же

текста, и очевидные описки. Текст НЛД цитируется по рукописи Дубр. Вносимые при этом частные поправки, а также существенные разночтения списка Арх оговариваются в сносках.

<sup>30</sup> В рукописи: «из».

<sup>31</sup> В Арх: «иноплеменник». Следующее за этим в Дубр развернутое обращение к Богу в Арх помещено перед выделенным отрывком.

<sup>32</sup> В рукописи: «пом».

<sup>33</sup> В рукописи: «бѣ аще».

<sup>34</sup> В Арх после этой фразы вставлено: «Мнози же небывалцы москвичи видѣвшее то устрашишася и живота отчаяшася; тако же и сынове агрянстии мнози на бѣгъ обратихася от клеча великого и от зрѣния злаго убийства». Это сокращенный вариант фразы, находящейся позже в Дубр и в других летописях. В Арх позже она тоже есть и снабжена пометой «яко же выше речеся», заменившей в ее тексте слово «небывалцы».

девятом глаголаше Волянец князю Владимиру Андреевичю: «время ти, господине княже». И тогда потаенны полкъ, благородныи храбрыи брат великого князя Владимир<sup>35</sup> Андрѣвич съ своими полки, удари на татары, и бысть сѣча велика, яко и земли двизатися, а Дон река кровью протече, а главы аки камене валяхуся<sup>36</sup> в дуброве. И рече к собѣ Мамаи...».

12. «...призри Господь милостивымъ окомъ на род христианский и на вси князи руския и на крепкия воеводы...».

13. «...воина великомученика («великаго мученика Христова» в Софийской 1-й летописи) Георгия и славнаго великомученика Дмитрия...».

14. «...свершеннаго полку небесных великии архистратиг Михаил. Тако же и погании видѣша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно: двои воеводы...».

15. «И вознесе Богъ десницу нашего государя христианскаго благовѣрнаго царя<sup>37</sup> великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси на побѣду инаплеменник».

16. «И то слышавше темныя его вси власти и князи, вся сила татарская и вся сила литовская и побегоша».

17. «Видев же то князь Владимир и иные многие воеводы<sup>38</sup> (вместо подчеркнутого: «христиане» в Новгородской 4-й и Софийской 1-й), яко татаровѣ с Мамаем побегоша и погнаша за ними...»

18. «И гониша их и бѣюще до Мечи реки и до станов их, и взяша все богатство их и стада<sup>39</sup>; и тамо бежащих безчисленное множество погибоша; тогда же бѣ и руси избито множество. И тогда же возрадовашеся радостию великою благородныи и храбрыи князь Владимир Одреевич о побежении агарян. И восстав повѣле на костех трубитити собранными трубами, и не обретося тогда в собрании сам благородныи и великии князь Дмитрии Иванович. И оскорбесе тогда благородныи князь Владимиръ<sup>40</sup> Андреевич и с ним оставши вои его. И повеле князь Владимир искати великого князя в трупия, жива или умерша, и глаголя: «Аще кто наидет первоначалника нашему спасению, сеи первый будет». И разидошася полцы по дубравамъ, и начаша искати великого князя. И нѣкто от благородных храбрых воин, костромичи родом, а быша в полку у воеводы Ивана Родивоновича: Федор Сабур да Григорѣи Холопищев. Наидоша великого князя в дуброве под сѣченным древом, велми язвена лежаще. Падше<sup>41</sup> повѣдаша ему, яко побежени быша агаряне: милостию Вседержителя Бога и твоимъ благороднымъ подвигомъ. И тогда приидоша к нему брат его князь Владимир Андрѣвич и вси вои его, падше пред ним<sup>42</sup> и повѣдаша ему побежение агарян. И тогда благородныи великии князь Дмитрии Иванович встав и виде<sup>43</sup> брата своего князя Владимира и все воинство свое здорово, а погании побежени, и возрадовася духомъ зело, глаголя: «Слава тебе, Господи Вседержителю Боже и Творче всяческих, яко сотворил еси нам сие по велице милости Твоеи, и не попусти врагомъ нашимъ вконецъ одлѣти<sup>44</sup> за наша согрешения и помилова нас по велицеи Своеи милости». Тогда целовав брата своего и вся оставши его воеводы и воинство и нача ѣздити по побоищу. И наѣха тогда убитых воевод своих на побоищи.

<sup>35</sup> В рукописи: «Владимера».

<sup>36</sup> В рукописи: «вяляхуся».

<sup>37</sup> В Арх нет слова «царя».

<sup>38</sup> В Арх добавлено: «и вси полцы христианстии».

<sup>39</sup> В Арх после слов «Мечи реки» до этого места текст такой: «княжии же полки христианстии гоняще били их до содомлянъ и до становъ ихъ и полониша богатства много, вся имѣния ихъ и стада татарския».

<sup>40</sup> В рукописи «Владидимитримерь».

<sup>41</sup> В Арх добавлено: «поклонишася ему и».

<sup>42</sup> В Арх добавлено: «поклонишася».

<sup>43</sup> В рукописи: «воиде».

<sup>44</sup> В Арх добавлено: «насъ еже благоволилъ еси попуститы на ны».



Тогда же на том побоищи...». В Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях вместо всего подчеркнутого: «и тамо бѣжащих бесчисленное множество побиши, князи же полци гнаша съдомлян бьюще до стана их, и полониша богатства много и вся имѣния их и вся стада содомскаа» (цитировано по Новгородской 4-й).

19. «...мнози бо на той брани побѣены быша. А поганых агарян избитых не бѣ числа: по дубровамъ главы аки камение валяшеся. А самому же великому князю...».

20. «...силою литовскою и ляцкою...».

21. «Но мы сию побѣду оставльше и на предлежащее возвратимся». В Новгородской 4-й летописи вместо подчеркнутого «бѣду» (в списке Карамзина — «бѣду»). В Софийской 1-й летописи этой фразы нет.

22. «Князь же великий ... на костех татарских, утер поту своего с дружиною своею»<sup>45</sup>.

23. «Мамай не во мнозе убежа дружине и прибежа во свою землю (добавлено: «в мале дружине» в Новгородской 4-й и Софийской 1-й), видя себя бита...».

Согласно гипотезе А. А. Шахматова, все это (за исключением, конечно, случаев явной порчи текста — № 7, 20 и нескольких сомнительных) должно признать дополнениями и исправлениями, внесенными по московской великокняжеской летописи. Но тогда возникает естественный вопрос: в каком соотношении находятся текст исправленный (т. е. Повесть в НЛД) и тот текст, на основании которого эти исправления и дополнения вносились? Примеры, идущие почти по всей Повести, заставляют полагать, что оба текста должны были быть приблизительно тождественны (по крайней мере, по составу).

Основу этой части данной редакции НЛД составил текст Новгородской 4-й летописи. Но текст Повести в НЛД имеет несколько сот мелких разночтений с соответствующим текстом Новгородской 4-й летописи — даже если иметь в виду те списки ее, в которых Повесть ближе к НЛД. Трудно объяснить и это правкой текста Новгородской 4-й летописи по дополнительному источнику. Гораздо естественнее предположить обратное: Повесть была целиком выписана из дополнительного источника и сверена с замененным ею текстом Новгородской 4-й летописи.

Такое предположение подкрепляется наблюдениями над остальными частями НЛД. В нее включен ряд довольно обширных самостоятельных текстов. Большинство их дополняют текст Новгородской 4-й летописи, но некоторые заменяют соответствующие его отрезки<sup>46</sup>. Эти дополнения, а в особенности состав заключительных частей НЛД, заставляют полагать, что составитель пользовался не только материалами новгородского происхождения, но и московским государственным архивом. Так, приведен текст духовной грамоты Василия Темного, обширное, явно официального характера, повествование о походе Ивана III на Новгород в 1471 г., отчет о его же пребывании в Новгороде в 1476 г. Приведено обстоятельное повествование о последних месяцах жизни и кончине Василия III: «написанное современником», оно «позднее подверглось обработке», причем «текст этой переработанной редакции», попавший в состав Софийской 2-й летописи, имеет купюры, появление которых, видимо, обусловлено изменением политической ситуации<sup>47</sup>.

Среди таких материалов мог храниться и первоначальный полный текст подробной Повести о Куликовской битве. Он не целиком был использован составителями официальных московских летописных сводов XV века, так как сообщал ряд хотя и существенных, но не вполне удобных для таких сводов подробностей (в особенности о роли в битве князя Владимира Андреевича

<sup>45</sup> В Арх вместо четырех последних слов: «лица своего».

<sup>46</sup> Эти вставки и замены были наглядно представлены во втором издании Новгородской 4-й летописи: ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 471–489.

<sup>47</sup> См.: Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 390: «снято упоминание о Д. Ф. Бельском как опекуне малолетнего Ивана и об И. Ф. Овчине как об одном из бояр, сопровождавших тело покойного великого князя».

Серпуховского). Но в этом тексте находились два упоминания о воеводе Иване Родионовиче Квашне, что, вероятно, явилось одной из причин включения в новгородский владычный свод, к составлению которого имели близкое отношение Квашнины<sup>48</sup>.

А. А. Шахматовым уже было показано, что в отрывках 9-м и 14-м текст НЛД является первоначальным. Удастся показать это и в отношении некоторых других отрывков, если обратить внимание на использование литературных источников.

Первичность текста Повести в НЛД сравнительно с Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописями видна и в отрывке 22. Здесь перед нами цитата из Паримийного чтения о Борисе и Глебе. Как установил А. А. Шахматов, оно послужило источником нескольких текстовых заимствований в Повести<sup>49</sup>. В этом источнике читаем: «Ярославъ же пришьдъ и седе Къевѣ, утѣрь пота съ дружиною своею»<sup>50</sup>. Последние три слова цитаты сохранились только в НЛД.

Другим источником Повести, как показал уже С. К. Шамбинаго, была Библия<sup>51</sup>. Текстовая связь с нею прослеживается и в тех пассажах, которые составляют особенность НЛД. Так, в отрывке 5 отразилось выражение, дважды встречающееся в Евангелии от Иоанна: «Да не смущается сердце ваше» (14: 1, 27). В обширном фрагменте 18 дважды использовано Евангелие от Луки: «Въ той часъ возрадовася духомъ» (10: 21) и XIII, 30: «И се, суть послѣдни, иже будутъ перви» (13: 30; сходно и в Евангелии от Матфея 19: 30). В этом же тексте дважды использован Псалом 50: 3: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»<sup>52</sup>.

Особенно показательна связь НЛД с Житием Александра Невского. Оно было одним из главных пособий для составителя Повести, это отмечалось многими ее исследователями, начиная с С. М. Соловьева. Посредством параллельных примеров С. К. Шамбинаго наглядно показал, что довольно многие обороты Повести использовали текст Жития<sup>53</sup>. По его мнению, была привлечена редакция Жития, составленная вскоре после 1380 г. и сохранившаяся текстуально в составе Софийской 1-й и Воскресенской летописей. Здесь не место касаться дискуссионной проблемы взаимоотношения редакций Жития Александра Невского. Заметим только, что оно послужило источником Повести не в том своем виде, какой сохранили Софийская 1-я и Воскресенская

<sup>48</sup> Причастность Квашниных к составлению НЛД подробно обосновал А. Н. Насонов (См.: *Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века / Очерки и исследования.* М., 1969. С. 354—358).

<sup>49</sup> См.: *Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище.* С. 120.

<sup>50</sup> *Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подг. к печати Д. И. Абрамович.* Пг., 1916. С. 121.

<sup>51</sup> См.: *Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище.* С. 57, 78.

<sup>52</sup> Первое сближение может быть взято под вопрос вследствие того, что в данном случае использование Евангелия является добавлением в цитату из другого источника. Остальные же примеры настолько бесспорны, что пространные выражения сомнений М. А. Салминой демонстрируют только безнадежность ее противостояния очевидному (см.: *Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве.* С. 16).

<sup>53</sup> См.: *Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище.* С. 66—71.

<sup>54</sup> Издан в.: *Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст.* [СПб.], 1913. [Тексты]. С. 126—137.

<sup>55</sup> Текст Лих, будучи в целом, несомненно, ближе других к варианту Жития, использованному составителем Повести, вероятно, не был, однако, полностью этому варианту тождествен: в одном случае (у С. К. Шамбинаго это пример 12-й) чтение Повести, сходное с Софийской 1-й и Воскресенской летописями («бещисленное множество»), отлично от чтения Лих («бещисла»). По словам М. А. Салминой, мое сближение Повести с текстом Лих противостоит моей датировке, ибо «Житие Лих, согласно последнему исследованию о нем, датируется временем не ранее конца XV в.» (*Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве.* С. 17). Она отсылает к статье Ю. К. Бегунова 1976 года. Однако последняя оценка иная: точка зрения Ю. К. Бегунова «не получила убедительного текстологического обоснования» и «вопрос о взаимоотношении Лихачевской редакции с другими» и «о времени ее создания остается открытым» (*Охотникова В. И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1987. Вып. 1. С. 359). Доводы М. А. Салминой против сопоставлений с Житием Александра Невского особенно выделяются надуманностью и нелогичностью (*Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве.* С. 17—19). По ее словам, из приводившихся мной примеров (*Азбелев С. Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского* С. 170—171) три «отпадают»: для первого и третьего такие же чтения есть в Троицкой летописи, а ее текст, по мнению М. А. Салминой, первичен. Но это мнение ею не доказано, а у меня во всех трех случаях речь идет не о тех фрагментах, которые указывают на первичность текста НЛД. По-видимому, М. А. Салмина не поняла, что эти примеры мною приводились только для подтверждения близости именно к Житию Лих параллелей, которые с иной целью приводил С. К. Шамбинаго.

летописи. Более близким к Повести оказывается введенный в науку уже после работы С. К. Шамбинаго текст рукописи сборника Н. П. Лихачева<sup>54</sup> (далее — Лих). Так, в 1-м из приведенных С. К. Шамбинаго параллельных примеров «с князми» есть в Лих и в Повести, но нет в Софийской 1-й и Воскресенской летописях. В 5-м примере в Повести, так же как в Лих, — «и рече», а в Софийской 1-й и Воскресенской летописях — «глаголя». В 15-м примере в Повести, как и в Лих, — «съ побѣдою великою», в Софийской 1-й и Воскресенской летописях порядок слов обратный<sup>55</sup>.

Текстовые заимствования из Жития Александра Невского есть и в тех фразах Повести, которые читаются только в НЛД. При этом существенно, что источником заимствований оказывается опять-таки вариант Жития, близкий к тексту Лих. Так, для фрагмента б есть точная параллель в Лих: «Укрѣпився силою крестною, *ополчися, поидоша противу себѣ*»; в других текстах Жития сходство более отдаленно (в Софийской 1-й и Воскресенской летописях: «поиде на них») <sup>56</sup>.

Несомненно восхождение к Житию части отрывка 11. Ср. в Лих: «*И бысть ту сеча зла и велика... яко же и морю померзшу двинутися, и не бѣ видѣти леду, покрыло все кровию*» (сходно в Софийской 1-й и Воскресенской летописях). Привлечение этого источника не ограничилось использованием подчеркнутых слов. Весь оборот НЛД «яко и земли двизатися», несомненно, навеян здесь Житием. В других памятниках сходство более отдаленно («земля тутнаше, горы и холмы трясася», «яко и земли потрястися» и т. п.) <sup>57</sup>.

Если считать, что текст в НЛД есть результат внесения дополнений в извод Повести, который сохранили Новгородская 4-я, Софийская 1-я и другие летописи, то придется, как видим, признавать повторное привлечение трех литературных источников. При этом нужно допускать, что из ряда весьма близких между собой разновидностей Жития Александра Невского был почему-то снова взят именно тот вид его, какой использовал составитель Повести.

Гораздо естественнее согласиться, что НЛД донесла Повесть в том составе, какой она имела до сокращения, произведенного в общем протографе Новгородской 4-й, Софийской 1-й и ряда других летописей. Это подтверждается и наличием в НЛД пассажей, текст которых первоначальнее соответствующего текста в упомянутых летописях. Но наиболее существенным подтверждением может служить единство содержания, прослеживаемое по всему тексту Повести в НЛД. Отсутствие каких-либо внутренних противоречий или нарушений логики повествования, отсутствие заметных текстологических швов и стилистическое единообразие противостоят гипотезе о позднейшем вставлении в текст Повести четырех крупных фрагментов и нескольких десятков мелких <sup>58</sup>.

Второй из «отпадающих» примеров — это тоже параллель не моя, а С. К. Шамбинаго; сходство с Житием Лих М. А. Салмина в данном случае тоже не оспаривает, но оспаривает само «значение» параллели, которая, по ее мнению, «ничтожна» (имеется в виду небольшая протяженность). Субъективность такого «оценочного» довода дополнительно иллюстрирует невозможность для М. А. Салминой серьезно аргументировать свои возражения.

<sup>56</sup> Эту особенно показательную параллель М. А. Салмина фактически обошла, представив дело таким образом, будто значение имеет только слово «исполчися», и попытавшись затемнить наглядность примера уведящими в сторону деталями (Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 19). При этом она и здесь, и выше игнорирует оговоренные мной во второй статье (Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла). Начало. С. 94 и др.) соотношения Повести в НЛД с соответствующими текстами Ермолинской и связанных с ней летописей, делая вид, что выяснение этих соотношений принадлежит ей.

<sup>57</sup> См.: Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Кн. 4. С. 15—16. «Возражение» М. А. Салминой по поводу этой параллели основано на подмене тезиса. Указанную мной соотнесенность семи слов во фрагменте Жития и семи слов в аналогичном по общему смыслу фрагменте Повести по списку Дубр М. А. Салмина не упоминает, а делает вид, будто вопрос сводится только к обороту «яко и земли двизатися», который встречается в Повести и в ином месте (Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 18). Но там он — в описании переправы русского войска через Дон, а в указанном мной фрагменте, как и в Житии, — при описании наиболее драматичного эпизода сражения, причем только в последнем случае аналогичны и общий смысл, и более пространственный текст. В Повести этот оборот дополнительно подтверждает факт использования ею одного и того же литературного источника и в тех частях, которые сохранились в летописях, восходящих к НСС, и в тех, которые оттуда исчезли при сокращении полного первоначального текста.

<sup>58</sup> Удивительны доводы М. А. Салминой в защиту повторяемых ею не раз категоричных утверждений о вставном характере в НЛД крупных эпизодов, которые отсутствуют в тексте Повести, находящемся в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях (Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 11—12). Относительно уряжения полков вместо аргументации — субъективное мнение, будто завершающие этот фрагмент слова «Исполчився,

Сохранившийся в НЛД полный извод подробной редакции оказывается полезен для прояснения некоторых вопросов, относящихся к происхождению и эволюции Повести.

Эпизод уряжения полков привлек пристальное внимание А. А. Горского. Он склоняется к заключению, что этот текст «опирался на ранний источник», который «скорее» был устным; «вероятнее всего, — полагает А. А. Горский, — фрагмент об «уряжении полков» был составной частью предания о первых Квашниных»<sup>59</sup>. Опираясь на выявленную А. Н. Насоновым связь НЛД с интересами бояр Квашниных, А. А. Горский заключил, что «либо этот рассказ восходит к некоему письменному или устному источнику, связанному с родом Квашниных, либо он искусственно сконструирован при создании Свода 1539 г. на основе данных имевшихся у его составителей источников об эпохе Дмитрия Донского, с целью возвеличения заслуг Ивана Родионовича»<sup>60</sup>. Второе предположение автор справедливо считает менее вероятным, ибо «возвеличить Ивана Родионовича Квашню можно было не прибегая к столь изоцированной вставке»<sup>61</sup>.

Вопрос, однако, в том, когда был письменно зафиксирован ранний устный источник. Отсутствие в тексте имен Ярославского и Новосильского князей (сохранились только их отчества — и в списке Дубр, и в списке Арх) А. А. Горский склонен объяснять тем, что «во время создания Свода 1539 г.» имена эти «либо не читались в имевшемся у его составителя источнике об уряжении полков (если он был письменным), либо были забыты (если источником было устное предание)»<sup>62</sup>.

За полтора столетия устной передачи кое-что могло бы, конечно, забыться. Но историческая достоверность сохранившихся имен и отчеств, подтверждаемая исследованием А. А. Горского, побуждает отвести предположение о забвении двух имен при сохранности их отчеств (забылись бы скорее отчества — как информация менее существенная). Гораздо вернее объяснить этот дефект текста ветхостью использованной составителем Свода 1539 года рукописи, где к тому времени имена эти уже «не читались». А рукопись, естественно, могла быть ветхой, если содержащаяся в ней обработка устного текста относилась еще к XIV веку. Следы ее ветхости можно усмотреть и в других местах. Вредящее пониманию смысла отсутствие в списке Дубр нескольких слов, сохранившихся в Новгородской 4-й летописи, С. К. Шамбинаго считал его случайным пропуском<sup>63</sup>. Однако эти слова отсутствуют и в списке Арх, следовательно, они не читались уже в рукописи, являвшейся их общим протографом. Несколькими строками выше в списке Дубр, как и в списке Арх, нет второй половины фразы, сохранившейся полностью в Новгородской 4-й летописи, причем в следующей фразе, которая есть и в этих списках, вместо

---

поидоша противу себе» уже «обозначают начало битвы», тогда как описание ее следует «много далее». На самом деле отделяют описание битвы от упомянутых слов только выражение восхищения рассказчика решимостью ополчившегося великого князя и его краткая молитва перед боем. Мнение о вставном характере эпизода, повествующего о вступлении в бой потаенного полка, «аргументируется» кажущимся М. А. Салминой противоречием между начавшей этот отрывок текста фразой «великого князя велми язвиша и с коня збиша» и фразой, находящейся за пределами отрывка, где упомянуто, что, как обнаружилось, «весь доспѣх его бить на нем язвенно, но на телеси его раны не бысть никояже». Здесь, конечно, нет противоречия. М. А. Салмина могла бы знать, что слово «язвить» имело значение «ударить» (см. *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка*. СПб., 1903. Т. III. Стб. 1644). Под ударами врагов великий князь упал с коня, но ранен не был, только доспехи оказались помяты. Тот же «аргумент» призван у М. А. Салминой подтвердить и ее мнение о вставном характере отрывка, где идет речь о поисках потерявшего сознание великого князя: его обнаружили «велми язвена лежаще», что, по убеждению М. А. Салминой, «противоречит данным этого же списка (и сведениям НІВЛ и СІА), что великий князь ранен не был». Но и в этом эпизоде отнюдь не имеется в виду, что в результате татарских ударов Дмитрий Иванович лежал израненный: далее сразу же сказано, что очнувшийся великий князь «встав» и «возрадовася духомъ зело», произнес благодарственную молитву, «целовав брата своего и вся оставшия его воеводы, и воинство и нача ѣздити по побоищу».

<sup>59</sup> Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 262–263.

<sup>60</sup> Там же. С. 261.

<sup>61</sup> Там же. С. 262.

<sup>62</sup> Там же. С. 261.

<sup>63</sup> См.: Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. С. 160. Ср. в Новгородской 4-й: «...таковую побѣду давшему на поганя, избавляющему» (ПКЦ. С. 80); аналогично — в Софийской 1-й (ПКЦ. С. 40).

слова «бесѣду» или «бѣду» читается «побѣду», меньше подходящее по смыслу (см. выше пример 21)<sup>64</sup>. То и другое можно объяснить ветхостью рукописи их общего протографа: край листа мог быть поврежден и частично утрачен.

Требует уточнения связь Повести о Куликовской битве с интересами бояр Квашниных. А. Н. Насонов выяснил, что некоторые из Квашниных «могли близко стоять к составителям свода 1539 года», могли даже «быть в числе составителей»; это подтверждают и сами тексты более ранних известий Свода, включивших ряд дополнений, «сделанных с определенной целью: возвеличения боярского рода Квашниных»<sup>65</sup>. Но можно ли отнести к таким дополнениям те части находящейся в Своде 1539 года Повести, которых нет в летописях, восходящих к НСС? Фрагменты 10 и 11, повествующие о действиях «потаенного» полка, возвеличивают князя Владимира Андреевича Серпуховского и Дмитрия Михайловича Вольнца и не имеют отношения к Квашниным, причем из текста видно, что именно удар этого полка решил исход сражения. Такие фрагменты не было никакого смысла вставлять в Повесть тому, кто заботился о ее пополнении с целью возвеличения Квашниных. Фрагмент 6 — описание уряжения полков — первые по порядку места отводит князьям братьям Ольгедовичам — «по божественѣи вѣре самобратным», а в конце называет «благороднаго и храбраго» князя Владимира Андреевича и «мужа мудра и храбра» Дмитрия Михайловича Вольнца. Без тенденции к возвеличению упомянут здесь пятым по порядку Квашнин: «А у себя же имѣяше князь велики в полку нѣкоего боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашню да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка...». Фрагмент 18 — рассказ о финале битвы, где центральная фигура — «благородный и храбрый князь Владимир Андреевич». Тут, правда, сказано, что нашли великого князя «некто от благородных храбрых воин, костромичи родом, а быша в полку у воеводы Ивана Родивоновича: Федор Сабур да Григорѣи Холопищев». Можно предположить, что слова о принадлежности двух костромичей к полку Ивана Родионовича добавлены составителем Свода 1539 года (знавшим из Сказания о Мамаевом побоище, что этот воевода возглавил Костромской полк перед переправой через Оку). Но роль такой ремарки в тексте незначительна, и она не возвеличивает самого Ивана Родионовича. А пребывание его на поле боя в полку великого князя закономерно: «Иван Родионович действительно являлся одним из виднейших бояр Дмитрия Донского», — справедливо подчеркивает А. А. Горский, напоминая, что «в обеих духовных грамотах последнего он назван в числе свидетелей, причем одним из первых»<sup>66</sup>. Таким образом, выясняется, что нет причин подозревать тенденциозность в упоминании Повестью Ивана Родионовича среди предводителей русского войска на Куликовом поле<sup>67</sup>.

Оправданно предположив раннее устное происхождение важных сведений, которые содержит только Повесть о Куликовской битве в НЛД, А. А. Горский, думается, напрасно попытался возвести их к преданию рода Квашниных. Причастность Квашниных к составлению НЛД вряд ли повлияла существенно на текст этой Повести, но само включение полного вида ее подробной редакции в летописный свод, конечно, отвечало их интересам.

Прежде чем говорить об устных источниках Повести о Куликовской битве, попытаемся уточнить время и обстоятельства появления ее письменного текста. А. А. Шахматов был

<sup>64</sup> В Новгородской 4-й летописи: «...токмо имени его... възвратимся» (ПКЦ. С. 80). В Софийской 1-й весь этот фрагмент текста опущен (ПКЦ. С. 40). Подробнее см. далее — в связи с мнением А. А. Шахматова.

<sup>65</sup> Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. С. 357.

<sup>66</sup> Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 263.

<sup>67</sup> Иван Родионович фигурирует как один из главных воевод во всех редакциях и изводах Сказания о Мамаевом побоище (См., например: ПКЦ. С. 159, 235, 272, 323, 354; Сказания и повести о Куликовской битве / Издание подготовили Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 34, 58, 89, 113, 159, 183, 214, 238). Но М. А. Салмина отказывает в доверии Сказанию, ибо это «всего лишь литературный памятник». Не хочет она доверять, конечно, и Повести о Куликовской битве в Новгородском своде 1539 г.: она вообще сомневается, «участвовал ли Иван Квашня в Куликовской битве», и, соответственно, полагает, что Повесть в НЛД «составлялась специально для этого свода и создана, как и самый свод, лишь в 40-х годах XVI в.», будучи обязана «тенденции ... прославления рода Квашниных» (Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 20).

убежден, что Повесть, несомненно, существовала в конце XIV в., так как заимствования из нее есть в Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского, которое, по заключению А. А. Шахматова, было составлено в конце этого столетия. Появление Повести он считал возможным отнести к ближайшему времени после 1380 г., а именно — к 1381 или началу 1382 г., так как в ней нет намеков на взятие и сожжение Москвы Тохтамышем<sup>68</sup>. Не станем рассматривать здесь заново Слово о житии, которому позже было посвящено несколько специальных работ, причем авторы их в датировках между собой расходятся. Обратимся к другим данным.

Как справедливо отметил еще А. В. Марков, Повесть о Куликовской битве не могла появиться позже 1402 г., в котором умер рязанский великий князь Олег Иванович, поскольку о нем в Повести говорится с крайней степенью раздражения как о живущем, причем автор риторически обращается прямо к этому князю — «О, враже изменниче Олге!» (Л. 248 об. — 249) и грозит будущей расплатой: «придетъ ему день, великий день Господень в суд аду и ехидну!», (Л. 248)<sup>69</sup>. Каскады бранных эпитетов, с исключительной страстностью обрушиваемые составителем Повести на Олега Рязанского, помогают датировать ее и более точно. Такое произведение не могло появиться позже 1386 г., в котором Олег окончательно и «навечно» помирился с Дмитрием Донским, после чего действительно до конца жизни не имел серьезных недоразумений с Москвой и не вел двусмысленной политики в отношениях между Русью и Ордой. Повесть же, несомненно, составлена в обстановке самой крайней неприязни к Олегу. Обострения отношений с ним Дмитрия Донского и его сторонников имели место трижды: в 1380 г. — в связи с войной против Мамаю, в 1382 г. — в связи с нашествием Тохтамыша и особенно — в 1385—1386 г. Тогда Олег, нарушив договор с Москвой, захватил и разграбил Коломну, насильно увел оттуда московского наместника и бояр, а карательный поход против Олега московских войск под начальством героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского окончился поражением. Олег долго оставался глух к мирным предложениям со стороны Москвы. Скорее всего именно это последнее обстоятельство имеет в виду автор Повести, когда характеризует Олега как «помраченному тмоу грѣховною и не восхотѣвшю разумѣти» (Л. 248 об.). Из контекста повести, говорящего о событиях 1380 г., не видно, что именно не восхотел разуметь Олег, — слова эти с ее содержанием прямой связи не имеют. Нарочитое подчеркивание Повестью военной доблести и боевых заслуг Владимира Серпуховского в 1380 г. было особенно естественно для сторонников Москвы в 1386 г., дабы сгладить впечатление от его неудачи в войне с Олегом.

Появление Повести вскоре после нашествия Тохтамыша маловероятно. Во-первых, горечь от самого события должна была отойти в прошлое, чтобы могло появиться сочинение, подобное Повести о Куликовской битве. Во-вторых, Олег Рязанский, показавший, как говорят летописи, путь войску Тохтамыша, получил тогда немедленное и двойное возмездие: земли его были разорены возвращавшимися татарами, а затем — московскими войсками, от которых «пуцши ему бысть и тотарския рати»<sup>70</sup>. Не было поэтому никаких причин возлагать надежды на грядущее возмездие Олегу. Довольно плачевным было, если верить летописям, и фактическое положение этого князя в 1381 г. — после Куликовской битвы. Сами же обвинения его в пособничестве тогда татарам (содержащиеся как раз в разбираемой нами Повести) уже давно представляются исследователям истории Рязанской земли сильно преувеличенными<sup>71</sup>. Думаем,

<sup>68</sup> Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. С. 119—121.

<sup>69</sup> Ср. Марков А. Рецензия на кн.: С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище // ЖМНП, Новая серия. 1908. Ч. 14. № 4. С. 435.

<sup>70</sup> ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 339.

<sup>71</sup> См., например: Иловайский Д. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 171—177; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 220—225.

что нет оснований совершенно отрицать двусмысленную позицию Олега в 1380 г., но, судя даже по самой Повести о Куликовской битве, реального участия его в войне против Москвы на стороне Мамаю не было, и крайнее негодование по адресу Олега автора этой Повести представляется в ней недостаточно обоснованным. Препятствует датировке ее составления 1381 или 1382 г. и тот факт, что литовский великий князь Ягайло называется в ней «поганым» (эпитет, прилагавшийся только к иноверцам). Так называть его могли лишь после того, как Ягайло перешел из православия в католичество, — в связи с Кревской унией 1386 г. Таким образом, составление Повести вероятнее всего отнести к 1386 г. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что само изложение событий в Повести несет признаки некоторой хронологической от них отдаленности: устный рассказ, составивший основу Повести, уже прошел, как увидим, стадию первичной фольклоризации, а для перечисления павших в 1380 году использованы «книги животные» (т. е. синодики).

Есть и иные данные, помогающие уточнить обстоятельства появления Повести. Исследователи уже не раз обращали внимание на следующие ее фразы, сохраненные полностью в Новгородской 4-й летописи и некоторых других: узнав о поражении Мамаю, «Литва съ Ягаилом побѣгоша назад съ мноюю скоростию, никим же гоними. Не видѣша тогда князя великаго, ни ратии его, ни оружиа его, токмо имени его литва бояхутся и трепѣтаху, а не яко при нынешних временах, литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию бесѣду оставльше и на предлежащее възвратимся»<sup>72</sup>. С. К. Шамбинаго полагал, что это намек на какой-нибудь из набегов Витовта на русские княжества (в 1395 г. или позже)<sup>73</sup>. А. В. Марков думал, что речь идет о событиях в Смоленске в 1400—1401 г.<sup>74</sup> Однако в это время уже не могла появиться отмеченная самим А. В. Марковым «в высшей степени резкая характеристика Олега»<sup>75</sup>. К тому же в смоленских событиях 1400—1401 г. Олег Рязанский участвовал на стороне русского князя Юрия и успешно воевал против Литвы<sup>76</sup>. Этим отводится и предположение А. В. Маркова относительно Смоленска как места появления Повести.

Однако есть вполне достаточные основания думать, что Повесть о Куликовской битве (по крайней мере, в своем первоначальном, не дошедшем до нас виде) появилась не в Москве или Московском великом княжестве, а именно в Западной Руси. Приведенный выше пассаж об издевательствах со стороны литвы следует сопоставить с предыдущим текстом. Весь этот отрывок Повести начинается так: «А отсель, от страны Литовския, Ягаило князь литовский приде со всѣю силою литовскою и ляцкою Мамаю пособляти» (Л. 258)<sup>77</sup>.

Это «отсель» указывает, что Повесть составлена на русской территории, входившей в состав Литовского великого княжества. Если учесть особое внимание, уделяемое в Повести полоцкому князю Андрею Ольгердовичу как герою Куликовской битвы, то естественно признать местом ее составления Полоцк, тем более, что незадолго до 1380 г. Андрей был изгнан оттуда Ягаилом, а вскоре после Куликовской битвы вновь утвердился в Полоцке и вел

<sup>72</sup> ПКЦ. С. 80; ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 117. А. А. Шахматов считал, что это место, опущенное в Софийской 1-й летописи, было еще в источниках НСС и в самом этом своде (*Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище*. С. 116—118). В НЛД фраза об издевательствах отсутствует, но следы авторского отступления остались: «...токмо имени его Литва бояхуса и трепѣтаху. Но мы сию побѣду оставльше и на предлежащее възвратимся» (Л. 258—258 об.). Слово «побѣду» в данном контексте явно вторично, что свидетельствует о наличии в протографе НЛД текста, аналогичного тому, который сохранен в Новгородской 4-й летописи. Это обстоятельство ускользнуло от внимания А. А. Шахматова, который, по-видимому, считал, что в НЛД нет и последней фразы (см.: *Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище*. С. 116—117). В. А. Кучкин, не согласившийся с аргументами А. А. Шахматова, отнес появление этого текста к 30-м годам XV в. (См.: ПКЦ. С. 86—87).

<sup>73</sup> *Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище*. С. 75—78.

<sup>74</sup> *Марков А. Рецензия на кн.: С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище*. С. 436.

<sup>75</sup> Там же. С. 435.

<sup>76</sup> См., например: ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 184—186.

<sup>77</sup> Такой же текст в Новгородской 4-й, Софийской 1-й и других летописях (опущены лишь слова «и ляцкою»).

упорную борьбу против Ягайла, поддерживая тесные отношения с Дмитрием Донским<sup>78</sup>. Последнее в достаточной мере доказывается тем обстоятельством, что на московской службе находился сын Андрея Полоцкого Михаил (русская летопись называет его в связи с этим «крепким воеводою великого князя»), который погиб как раз во время неудачного похода Владимира Серпуховского против Олега Рязанского в 1385 г.<sup>79</sup>

Если связывать появление Повести с Полоцком, то особенно легко понять ее страстно-негодующий тон в отношении Олега. Так же легко объясняются и резкие характеристики Ягайла, и фраза о надругательствах со стороны Литвы. Как раз в 1385 и начале 1386 г. особенно обострилась борьба Андрея Полоцкого против Ягайла; тогда последний послал против Андрея литовское и польское войско, которое постепенно заняло отвоеванные Андреем русские земли и осадило его самого в Полоцке. Когда город после отчаянной защиты был взят, Андрей попал в плен, из которого освободился в 1389 или 1390 г. Безуспешно пытавшись вернуть Полоцк, он княжил некоторое время в Пскове и погиб в 1399 г. на р. Ворскле, помогая Витовту против татар<sup>80</sup>.

В 1386 г. для полочанина вполне естественно было горько сетовать на Литву и вспоминать Дмитрия Донского в связи с событиями 1380 г. Разумеется, составление здесь Повести требовало определенной атмосферы книжной образованности. Вряд ли есть основания сомневаться, что это условие наличествовало во второй половине XIV в.: спустя еще двести лет польско-литовского владычества, в 1579 г., Р. Гейденштейн, описывая взятие Полоцка Стефаном Баторием, отмечал, что «в глазах образованных людей почти не меньшую ценность, чем вся остальная добыча, имела найденная там библиотека. Кроме летописей в ней было много сочинений греческих отцов церкви... все на славянском языке»<sup>81</sup>. Если Повесть появилась в среде, окружавшей Андрея Полоцкого, то автор, конечно, мог располагать подробными устными рассказами о войне 1380 г. самих ее участников. Все изложенные в Повести конкретные факты были, разумеется, известны самому князю и его ближайшим сподвижникам.

Составление Повести могло быть связано с вероятными тогда надеждами на получение помощи от Москвы. Может быть, не случайно автор ее не только называет Ягайла «поганым», но и подчеркивает, перечисляя воевод Дмитрия Донского, что «быша у него тогда в передовомъ полку по божественѣи вере самообратныа князь Ондрѣи и Дмитрей Олгердовичи» (Л. 253). Переход Ягайла в католичество, принятие им титула польского короля и уния Литвы с Польшей естественно побуждали его православных противников в Литве искать покровительства православной Москвы. Примечательно, что в НЛД Повесть говорит о победе на Куликовом поле «нашего государя христианскаго благовѣрнаго царя великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси» (Л. 255 об. — 256).

Не берусь утверждать, что это выражение, созвучное титулованию XVI в., полностью читалось в тексте Повести XIV в. Может быть, кое-что добавил составитель НЛД. Но, вероятно, царем Дмитрий Иванович был назван уже в самом ее источнике. В пользу этого говорит упоминавшееся Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго, читающееся под таким заглавием уже в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях. Даже если принимать самую позднюю из предлагавшихся обоснованно датировок этого Слова, то все же очевидно, что у составителя НСС 30-х годов XV в. не больше было причин назвать Дмитрия Донского царем, чем у полочанина 80-х годов XIV в., надеявшегося на помощь Москвы против польского короля Ягайла. Отметим, что в рукописи, содержащей Троицкий список Новгородской

<sup>78</sup> Подробно по источникам см. в кн.: Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 163—168.

<sup>79</sup> ПСРЛ. Т. XI. С. 86.

<sup>80</sup> Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. С. 167—170.

<sup>81</sup> Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. СПб., 1889. С. 71.



1-й летописи, перечень великих князей к имени Дмитрия Донского дает пояснение: «Тои бо Дмитрии съсвещася самодръжцемъ»<sup>82</sup>. Перечень составлен не позже 1434 г., так как оканчивается Юрием Дмитриевичем. Соотнося эти данные, еще А. А. Шахматов справедливо писал: «... есть основания думать, что Дмитрий Иванович именовал себя царем русским»<sup>83</sup>.

Для автора Повести о Куликовской битве, если он составлял ее в Полоцке в 1386 г., особенно естественно было назвать хотя бы один раз Дмитрия Донского царем, поскольку своего князя и его брата он один раз называет «велици князи Ольгердовичи» (Л. 250). Как известно, Андрей Полоцкий, являвшийся старшим братом Ягайла, соперничал с ним за титул великого князя литовского. Поэтому в условиях, когда Ягайло становился польским королем, оба титулования Повести могли отражать и расчеты на совместную политическую программу<sup>84</sup>.

В пользу данного предположения свидетельствуют и некоторые другие чтения Повести. Говоря о сборе войск в 1380 г., она сообщает, что прибыл «князь Андрѣи Полоцкии с полочаны» (Л. 250). Это воспринимается на первый взгляд как порча текста: в 1380 г. Андрей Ольгердович княжил в Пскове, соответственно чему в Софийской 1-й, Новгородской 4-й и других летописях вместо «полочаны» читается «псковичи». Однако на самом деле именно это, скорее всего, позднейшая поправка, основанная на сведениях о месте тогдашнего княжения Андрея: следы первоначального чтения сохранила не только НЛД, но и Русский Хронограф<sup>85</sup>, и так называемые «сокращенные летописные своды конца XV в.»<sup>86</sup> Очевидно, что изгнанный из Полоцка Ягайлом в 1378 г. Андрей Ольгердович прибыл в Псков не один, а со своей полоцкой дружиной, которая была с ним и во время войны 1380 г. Указать на это было бы важно именно для автора, писавшего в Полоцке 1386 г. Под впечатлением полоцких событий этого года могло появиться и дважды читающееся в НЛД ошибочное указание, что Ягайло отправился на помощь Мамаю «со всею силою литовскою и лядкою» (Л. 248 и 258)<sup>87</sup>: именно против Андрея Полоцкого была тогда послана Ягайлом «сила литовская и лядкая».

Не исключено, что последний этап оформления Повести о Куликовской битве связан уже с Москвой или каким-нибудь из близлежащих центров книгописной работы: здесь изложение могло быть уснащено вставками из литературных источников, хотя, по крайней мере, часть их была, скорее всего, использована по памяти при самом составлении Повести. Может быть, здесь вставлен перечень убитых князей и «нарочитых» воевод — по синодикам. Но состав этого перечня позволяет думать, что включение его произошло еще в Полоцке, на основе попавшей после 1380 г. в тамошний синодик не очень тщательной выписки из синодиков московских: в перечень попали лица, убитые на самом деле не в 1380 г., а ранее, есть и имена, полного соответствия которым в реально сохранившемся синодике XIV—XV в. не находится (подробнее об этом далее).

Повесть о Куликовской битве базировалась на фиксации устного повествования о событиях 1380 г., хронологически удаленного от них пятью или шестью годами. Это достаточная гарантия достоверности фактической основы Повести. Но оформление ее, а весьма вероятно, — и предшествовавшая ему запись — происходили в условиях большого накала политических страстей, что обусловило крайнюю тенденциозность в интерпретации некоторых фактов. Это мешало включению всей Повести в летописные своды, которые составлялись в иного рода политических ситуациях. В полном, как можно думать, виде Повесть вошла во вторую

<sup>82</sup> ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 561.

<sup>83</sup> Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. С. 110.

<sup>84</sup> В НСС, как это видно по Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописям, титулование Дмитрия Донского царем было опущено, но выражение «великие князи Ольгердовичи» осталось.

<sup>85</sup> «Услышав же то князь Андрей Ольгердович Полотский со всеми полочаны прииде на помощь великому князю... и псковичи к нему же приидоша» (ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. С. 414).

<sup>86</sup> «Услышав же то князь Андрей Ольгердович Полотский и прииде... с всеми полочаны и псковичи на помощь» (ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 252; ср.: С. 332).

редакцию НЛД — приблизительно через 150 лет. Более или менее сокращенные тексты, попавшие в дошедшие до нас летописи предшествовавшего времени, эволюционировали затем вместе с окружающим летописным текстом, взаимодействовали с другими произведениями о Куликовской битве (и не только о ней). В задачу этой статьи не входит исследование всей литературной истории Повести. Необходимо, однако, коснуться некоторых узловых фактов, принципиально важных для датировки Повести и представлений о ее первоначальном составе.

За полтора столетия существования подробного извода Повести вне летописных сводов текст ее, как можно полагать, переписывался неоднократно: собирая материал для очередного свода, работавшие над ним лица делали списки используемых документов. Для дальнейшего свода переписывался не обязательно исходный протограф. В результате первоначальность отдельных чтений Повести о Куликовской битве в летописях не находится в прямой зависимости от того, насколько близок состав читающегося в той или иной летописи вида Повести к ее полному виду, дошедшему в НЛД. Некоторые чтения самой НЛД, несомненно, отразили позднейшие порчи текста вследствие ветхости оригинала. Редактор летописи, как видно, сверял использованный им полный извод Повести с ее сокращенным текстом в составе Новгородской 4-й летописи, которая была одним из источников этой редакции НЛД. Редактор Архивской летописи, передавая текст Повести, тоже, вероятно, сверял его с дополнительным источником. Впрочем, разночтения списков Дубр и Арх обусловлены не только этим, а и некоторой стилистической редактурой, плоды которой, местами ясно видные именно в списке Арх, далеко не всегда улучшают его текст.

Краткая редакция Повести, находящаяся в Симеоновской летописи, А. А. Шахматову одно время казалась первоначальной<sup>88</sup>. Но в своем отзыве на труд С. К. Шамбинаго он решительно согласился с противоположным выводом, к которому пришел С. К. Шамбинаго: как писал А. А. Шахматов, «автор справедливо указал, что повесть по Симеоновской летописи, которую я одно время был склонен признать древнею записью о Куликовской битве, не больше как извлечение из обычной повести»<sup>89</sup>. «Повторяю еще раз, — писал далее А. А. Шахматов, — что я признателен С. К. Шамбинаго за его возражения против высказанного мною в 1901 г. предположения о том, что в Симеоновской сохранился зародыш повести, первоначальный краткий ее вид. С. К. Шамбинаго ясно доказал, что повесть по Симеоновской летописи извлечена из обширного вида повести»<sup>90</sup>. В связи с тем, что в недавних текстологических комментариях ПКЦ обозначился возврат к точке зрения, отвергнутой А. А. Шахматовым столь категорически (и аргументировано), сопоставим еще раз Повесть по НЛД с текстом Симеоновской летописи — при полном учете и Рогожского летописца, привлеченного обоснованно в ПКЦ (как передавшего, вероятно, в целом несколько точнее, чем Симеоновская, текст сгоревшей Троицкой летописи, где читался недошедший Свод 1408 г.).

Описание войны с Мамаем 1380 г. в текстах названных летописей приблизительно в 10 раз короче, чем текст Повести в НЛД. Свыше двух третей рассказа о Куликовской битве в Симеоновской летописи (более 300 слов из 450) — вся фактическая часть текста — это монтаж цитат из полного текста, дошедшего в НЛД<sup>91</sup>. Остальная часть текста Симеоновской — это

<sup>87</sup> В первом случае это чтение перешло и в другие летописи. Во втором случае было исправлено, очевидно, составителем НСС, так как слово «ляцкою» отсутствует в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях (но сохранилось, например, в Ермолинской летописи, лучше передающей и некоторые другие чтения Повести). Видимо, упомянутыми выше обстоятельствами, при которых происходило составление Повести, объясняется и описка, давшая чтение НЛД «вся сила татарская и вся сила литовская и побегоша» (Л. 256), исправленная в летописях XV в.

<sup>88</sup> См.: Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. № 11. С. 65.

<sup>89</sup> Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. С. 104; ср.: Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. С. 81—83.

<sup>90</sup> Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. С. 124.

<sup>91</sup> Почти все текстуальные совпадения рассказа Симеоновской летописи с подробной редакцией перечислены М. А. Салминой, но, вопреки действительности, она пишет в другом месте, что совпадения эти «незначительны» (Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». С. 358, 361).

наполовину стилистические обороты, почти не несущие реальной информации и тождественные оборотам находящегося в Симеоновской летописи чуть ранее описания войны с татарами 1378 г. (битва на р. Воже)<sup>92</sup>. Остающееся относительно небольшое количество слов — это главным образом союзы, частицы, местоимения и т. п.

Если допустить, что подробная редакция Повести есть распространение текста, дошедшего в Симеоновской летописи, то следовало бы ожидать, что последний будет достаточно полно и, во всяком случае, равномерно читаться в составе подробной редакции. Однако этого нет. В ней отсутствуют как раз те обороты, какие на наибольшем протяжении текста совпадают в Симеоновской с предшествующим в ней же описанием битвы на р. Воже: «Се же слышавъ, князь великий Дмитриеи Ивановичъ, събравъ воя многы», «и поможе Богъ князю великому Дмитрию Ивановичю», погании «побѣгоша, а наши послѣ» — все это в Симеоновской летописи под 1380 г. — точное повторение соответствующих оборотов там же под 1378 г., но без текстуального соответствия в подробной редакции.

В ней встречаются только такие аналоги совпадающего в описаниях 1380 и 1378 годов Симеоновской летописи, которые представляют собой общераспространенные обороты и краткие стилистические клише, обычные для древнерусской письменности вообще: «пойде противу ихъ», «бьюще и секуще», «в рецѣ истопоша», «гоними гнѣвом Божиимъ», «възвратися оттуду», «с побѣдою великою», «многа користь» и еще несколько случаев, когда совпадают только отдельные слова. Этот материал в сущности нейтрален и позволяет к тому же думать, что составитель Свода 1408 г. мог воспользоваться такими клише, между прочим, и из бывшей в его распоряжении подробной редакции Повести, применив их в своем труде при описании не только Куликовской битвы, но и битвы на р. Воже<sup>93</sup>.

В изложении хода войны 1380 г. текст Симеоновской летописи, вследствие своей краткости, гораздо беднее фактами, чем текст НЛД. Но между этими текстами нет расхождений по существу — за исключением одного случая, который достаточно показателен. Приводим параллельные тексты, дав здесь же отрывок предшествовавшего описания в Симеоновской летописи войны 1378 г. Полуужирным шрифтом выделено то, что совпадает в обоих текстах Симеоновской, курсивом — то, что в НЛД совпадает с Симеоновской летописью.

Текст Симеоновской летописи заметно отличается от НЛД важным уточнением: «другую весть» о том, что Мамай ждет за Доном Ягайла, Дмитрий Иванович получил, «переѣхавъ Оку». В НЛД нет этих слов, а сама переправа через Оку там описывается подробно, но гораздо позже (чему нет параллели в Симеоновской). Можно было бы с одинаковым правом предполагать ошибку или в Симеоновской летописи, или в НЛД, если бы не параллель в той же Симеоновской под 1378 г. Ясно, что слова «и переѣхавъ Оку» были взяты составителем Свода 1408 г. из текста 1378 г. механически, так как оттуда же он только что выписал всю первую половину содержащей эти слова фразы. Монтируя обороты из своего описания битвы на р. Воже с краткими выборками из подробной Повести о Куликовской битве,

<sup>92</sup> Прочитывая эти обороты, М. А. Салмина справедливо усматривает в них свидетельство того, что дошедшие в Симеоновской летописи описания Куликовской битвы и битвы на р. Воже писаны одним лицом — составителем свода 1408 г. (Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». С. 356–357; ср.: Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 3–4), но она не ставит вопроса о том, перешли ли эти обороты и в подробную повесть, которая, как считает М. А. Салмина, основана на тексте свода 1408 г.

<sup>93</sup> Не касаясь пока помещенных в этих и других летописях вслед за описанием Куликовской битвы известий о последующих событиях — столкновении Мамаея и Тохтамышша, гибели Мамаея и отправке русских даров Тохтамышшу. Весь этот текст в Симеоновской летописи, кроме нескольких слов, соответствует тексту НЛД (а также Новгородской 4-й, Софийской 1-й и других летописей). Замечу, однако, что отсутствие в этом тексте резких выпадов против Олега не следует объяснять предположением, что текст Симеоновской летописи первичен. Все это повествование как в ней, так и в других летописях восходит, очевидно, к записям, появившимся в иной политической ситуации, чем сама Повесть о Куликовской битве. См. далее, в связи с мнениями С. К. Шамбинаго и В. А. Кучкина.

составитель Свода 1408 г. не заметил, что произошло смещение фактов (так как весь последующий текст Повести, описывавший движение войск к месту боя, был им выпущен).

| Симеоновская летопись   |  | НЛД 1380 г.  |
|---|--|--|
| 1378 г.   | 1380 г.  |  |
| <p><b>Се же слышавъ, князь великий Дмитрей Ивановичъ, събравъ воя многы и поиде прот иву ихъ</b> въ силъ тяжцѣ, <b>и переѣхавъ</b> за <b>Оку</b>, вниде въ землю Рязаньскую<sup>94</sup>.</p> | <p><b>Се же слышавъ, князь великий Дмитрей Ивановичъ, събравъ воя многы, поиде прот иву ихъ,</b> хотя боронити своя отчины, и за святыя церкви, и за правověрную вѣру христианскую, и за всю Русскую землю. <b>И переѣхавъ Оку,</b> прииде ему паки <i>другая вѣсть, повѣдаша ему Мамаю за Ддономъ събравшася, в полѣ стояща и ждуща к собѣ Ягаила на помощь, рати литовскыя</i><sup>95</sup>.</p> | <p>Поидемъ противу окояннаго сего и безбожнаго, и нечестиваго и тѣмного сыроядца Мамаю, за православную вѣру христианскую и за святыя церкви, и за вся младенца и старца, и за вся христианы суцая... И поиде противу их вборзе с Москвы, хотя боронити своя отчины... Приде великому князю Дмитрею Ивановичю <i>другая вѣсть,</i> и поведаша ему Мамаю за Дономъ и собравшася в полѣ стояща, и ждуща к собѣ на помощь князя литовскаго Ягаила с литвою, да егда соберутся вкупе и хотят побѣду сотворити со единого<sup>96</sup>.</p> |

Если бы мы допустили, что подробная Повесть возникла путем распространения текста, дошедшего в Симеоновской летописи, то нельзя было бы объяснить, зачем слова «и переѣхавъ Оку» были опущены в этом ее известии, а само оно помещено много ранее описания переправы через Оку. Никаких оснований для такого изменения в текстах нет.

Среди использованных при оформлении Повести о Куликовской битве дополнительных источников, как уже говорилось, существенное место принадлежало Житию Александра Невского. Подробно писавший об этом С. К. Шамбинаго, правда, слишком увлекся в литературном сближении двух памятников<sup>97</sup>. Очевидно, что Повесть о войне 1380 г. и близкие ей по теме описания военных действий, попавшие в Житие, были основаны на фактах, во многом аналогичных. Кроме того, существовала, конечно, определенная традиция устных повествований о такого рода событиях. То и другое, отразившись в Житии и в Повести, само по себе обуславливало некоторое их сходство. А это уже, в свою очередь, побуждало составителя Повести к текстуальным реминисценциям из известной ему редакции Жития.

Существенно, что сходство с ним есть как в тех частях подробной Повести, которые не отражены в тексте Симеоновской летописи, так и в тех, которые совпадают в Симеоновской полностью или частично с подробной Повестью<sup>98</sup>. Следы влияния Жития в тексте Симеоновской

<sup>94</sup> ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 127.

<sup>95</sup> ПСРЛ. Т. XVIII. С. 129.

<sup>96</sup> Дубр. Л. 249 об., 250.

<sup>97</sup> Натянутость части его сопоставлений заметил еще А. А. Шахматов (*Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище*. С. 122).

<sup>98</sup> Ср. у С. К. Шамбинаго на с. 66–71 его книги примеры 1-й, 10-й, 13-й, 14-й и 15-й. Черты сходства рассказа Симеоновской летописи с Житием признает и М. А. Салмина. Она истолковывает это таким образом, что Житие Александра Невского повлияло в этих случаях на подробную Повесть о Куликовской битве через посредство краткого рассказа Симеоновской (см.: *Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»*. С. 366–367). Но в другом месте, противореча себе, она утверждает, что «никаких литературных источников» в рассказе Симеоновской летописи «не обнаруживается» (Там же. С. 356). По словам М. А. Салминой, в НЛД Повесть «буквально насыщена чтениями

летописи как раз своей малочисленностью и своей фрагментарностью подтверждают восхождение этого текста к подробной редакции Повести. Трудно допустить, чтобы Житие привлек сначала в очень малой степени составитель Свода 1408 г., а позднее составитель подробной Повести использовал ту же разновидность этого Жития для дальнейшего распространения по нему тех же оборотов, какие почерпнул оттуда составитель Свода 1408 г.

Обратимся к перечню погибших в 1380 г.<sup>99</sup> Текст его в Симеоновской летописи гораздо короче, чем в НЛД<sup>100</sup>. Сокращая в 10 раз саму Повесть, составитель Свода 1408 года, естественно, сократил ее и в этой части. Он убрал указание на источник, пояснения писца и данные о соотношении числа убитых русских и татар<sup>101</sup>. Он исключил читавшиеся в перечне ошибочно имена Дмитрия Монастырева, погибшего на самом деле в 1379 г., и Дмитрия Минича, убитого еще в 1368 г.<sup>102</sup>, может быть, на основе соответствующих известий собственного летописного текста. Но возможно, что перечень убитых, читавшийся в подробной Повести, просто был сверен сводчиком 1408 г. с бывшим у него под руками синодиком. В пользу этого говорит тот факт, что сокращено еще несколько имен, а остались только те, которые есть в дошедшем до нас синодике того времени, где отсутствует, однако, имя Пересвета, оставленное, вероятно, вследствие широкой известности его подвига<sup>103</sup>. Среди выпущенных в краткой редакции имен — «князь Федор Торуский и брат его князь Мстислав». Достоверность их подтверждается весьма относительно цитированным С. К. Шамбинаго поздним синодиком XVII века<sup>104</sup>: при составлении его могла уже быть использована летопись. Гораздо более веским подтверждением

вторичного происхождения»; ею даже отысканы 11 случаев, где, как она считает, «текст списка Дубровского отстоит дальше от текста Троицкой, чем НЛД, СЛ» (Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 8). Все это — микроскопические отличия, вполне объясняемые дефектностью ветхого протографа и небрежностями переписчиков. Текст списка Арх М. А. Салмина не использовала. Если его привлечь, то обнаруживается, что ее примеры 1, 2, 6, 7, 10 и 11 могут быть вообще исключены, так как этих отличий в Арх нет. Игнорируя мои текстологические доказательства вторичности краткой редакции, М. А. Салмина декларирует «несомненную», по ее мнению, «вторичность чтений пространной летописной повести» (Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 5). «Аргументами» служат мнимые неувязки в содержании. Так, например, в пространной редакции сообщено, что Дмитрий Иванович перед походом узнает об измене Олега Рязанского, а после битвы — что Олег посылал свою силу на помощь Мамаю. Второе известие перешло и в краткую редакцию, но М. А. Салмина считает «совершенно очевидным», что оно, Навязывая беапелляцияционность в попытках представить бесспорными собственные — в действительности весьма уязвимые — доводы в особенно сильной степени пронизывает эту вторую статью М. А. Салминой, где она с отчаянной настойчивостью пыталась выполнить безнадежную задачу: защититься от обоснованной критики написанного ею в первой статье. напротив, «механически» из нее переписано в пространную (Там же. С. 4).

<sup>99</sup> Полный текст этого отрывка по Дубр: «Тогда же на том побоищи убыен бысть на ступе князь Федор Романович Белозерский и сынъ его князь Иван, князь Федор Торуский и брат его князь Мстислав, и князь Дмитръи Манастырев, Семен Михайлович, Микула Васильевич, сынъ тысяцкого, Михаило Иванов сынъ Окинфович, Иван Александрович, Андрѣи Серкиза, Тимофеи Васильевич Окатъевич нарицаемый Воуи, Михаило Бренков, Лев Морозов, Семен Мелик, Дмитрии Минич, Александр Пересвѣтъ бывшии преже боярин брянский, и инии мнози, их же имена писана суть в книгахъ животных. Зде же не всѣхъ писахъ избѣнныхъ имена, токмо написахъ князеи, бояр и воевод старѣишихъ и нарочитыхъ. А прочихъ бояр и слуг оставихъ имена и не писахъ множества ради имен, яко число превосходить ми. Мнози бо на той брани побѣены быша. А поганыхъ агарян избитыхъ не бы числа, по дубровамъ главы аки камене валяшеся» (Л. 257; аналогичный текст в Арх на л. 370–370 об.).

<sup>100</sup> Полный ее текст: «И ту убени быша въ суимѣ князь Феодоръ Романовичъ Бѣлозерский, сынъ его князь Иванъ Федоровичъ, Семень Михайловичъ, Микула Васильевичъ, Михаило Ивановичъ Акинфовичъ, Андреи Серкизовъ, Тимофѣи Воуи, Михаило Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семень Меликъ, Александръ Пересвѣтъ и инии мнози» (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 130).

<sup>101</sup> Судя по контексту НЛД, можно думать, что в странном выражении «число превосходить ми» последнее слово — результат искажения цифры «Мѣи» (48 000), полустертой в дефектном оригинале. Из других летописных данных следует, что общее число погибших в 1380 г. со стороны русских было 100–160 тысяч. В московских поминаниях, составленных сразу после Куликовской битвы, 48 000 имен могло поэтому присутствовать.

<sup>102</sup> См.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 391; ПКЦ. С. 59.

<sup>103</sup> Насколько можно было судить по изложению М. А. Салминой, она полагает, что именно тот состав синодичной записи, какой представлен упомянутым выше дошедшим синодиком (текст публиковался неоднократно, приведен и ею), послужил непосредственным источником для перечня погибших в сводке 1408 г. (Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». С. 370). Но такому предположению мешает отсутствие в этом синодике имени Пересвета.

<sup>104</sup> См.: Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. С. 73.

явилась архивная находка А. Н. Кирпичникова, недавно подкрепленная результатами разысканий А. В. Шекова: в документах 1686–1688 г. находятся относящиеся к Тарусским князьям росписи и выписки из родословной князей Волконских, которые «удостоверяют подлинное существование погибших в 1380 г. князей Федора и Мстислава — сыновей князя Ивана Юрьевича, основателей особых княжеских родов»<sup>105</sup>.

Так или иначе, очевидно, что в Симеоновской летописи — сокращение подробного перечня, сохранившегося в НЛД, а не в НЛД — распространение краткого перечня, читающегося в Симеоновской<sup>106</sup>. Невозможно допустить, чтобы составитель НСС (этот же перечень — в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях) стал вписывать в Повесть о Куликовской битве 1380 года имена лиц, о гибели которых в летописных источниках этого свода говорилось под 1368 и 1378 г. В своде 1408 г. опускались не только имена, но и пояснения к именам оставленным. В подробной Повести говорится: «Микула Васильевич сынъ тысяцкого», «Тимофеи Васильевич Окатъевич нарицаемыи Волюи», «Александр Пересвѣт бывши прежде боярин брянский»; в Симеоновской же летописи подчеркнутых слов нет. Гораздо естественнее объяснить и это сокращением, чем думать, что в НЛД перед нами добавления, внесенные составителем НСС через полвека после Куликовской битвы.

Существуют и другие данные, свидетельствующие, что описание Куликовской битвы в Симеоновской летописи отражает сокращение подробной редакции Повести.

Приведем важное соображение С. К. Шамбинаго: «При полном отсутствии упоминания об Олеге рязанском, об его неприязненных действиях против великого князя неожиданно в конце Повести (краткой. — С. А.) находится рассказ о решении Дмитрия послать войско против Олега, о бегстве последнего и покорстве рязанских бояр — вполне соответствующий тексту Летописной Повести (подробной. — С. А.). Следующий непосредственно за этим рассказ о судьбе Мамаи также имеет с Летописной Повестью буквальное сходство. Присутствие этих распространенных эпизодов, в сущности второстепенных, при главном сжатом содержании, может указывать на позднейшее сокращение текста»<sup>107</sup>.

По данному поводу В. А. Кучкин пишет, что «отмеченную С. К. Шамбинаго особенность» надо объяснять «скорее всего, сокращением в Симеоновской (ее протографе) более раннего и более обширного текста»<sup>108</sup>. Но двумя страницами ранее В. А. Кучкин назвал «бесспорным»

<sup>105</sup> Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 8. См.: РНБ. Эрмитажное собрание. № 470. Л. 40 об.: «После князя Ивана Тарусскими князьями были два брата князь Федоръ да князь Мстиславъ, которые въ 1380-м году, будучи съ великимъ княземъ Дмитриемъ Ивановичемъ на Дону, убиты на Мамаевомъ побоищѣ». А. В. Шеков, внимательно исследовав этот вопрос, пришел к заключению «о реальности участия князей Тарусских в побоище на Дону 1380 г.» (Шеков А. В. Об участии князей Тарусского дома в побоище на Дону 1380 г. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 190–191). — М. А. Салмина сочла, что князь Федор Тарусский включен в Повесть о Куликовской битве ошибочно, так как есть летописное известие о гибели Федора Тарусского под Белевым в 1437 г. На этом основании она заключила, что «ранее 1437 года «Летописная повесть» не могла возникнуть»: по убеждению М. А. Салминой, подробная Повесть «сложена где-то в промежутке между 1437 г. и временем составления «свода 1448 года», куда она вошла уже в виде составной части» (Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». С. 372). Резонно возражал на построение М. А. Салминой в своих примечаниях к Повести В. А. Кучкин: по его словам, «дело может объясняться» достаточно просто — «существованием в 1380 г. и в 1437 г. двух Федоров Тарусских, например, деда и внука», а само «присутствие тарусских князей на Куликовом поле не представляет собой ничего невероятного. Напротив, оно вполне естественно» (ПКЦ. С. 59). Ранее к аналогичным заключениям приходил И. Б. Греков, более подробно рассматривавший этот вопрос (см.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 444–449). Отпадает, таким образом, повод для странного предположения, будто летописец 30-х или 40-х г. XV в. включил своего современника, убитого в 1437 году, в перечень павших на Куликовом поле в 1380 году. Лишается основы и «подкреплявшаяся» в сущности только этим предположением поздняя датировка подробной Повести о Куликовской битве — главный тезис М. А. Салминой в обеих ее статьях 1966 и 1977 г.

<sup>106</sup> Говоря о других летописях, а не о Симеоновской, М. А. Салмина пишет, что «выпадение имен» из списка убитых довольно обычно «при общем сокращении текста повести» (Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». С. 371).

<sup>107</sup> Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. С. 82–83.

<sup>108</sup> ПКЦ. С. 15.

вывод «о старшинстве среди сохранившихся летописных повествований о Донском побоище версии, читающейся в Симеоновской летописи»<sup>109</sup>. Теперь он счел необходимым «отметить», что краткой версии «предшествовали не дошедшие до наших дней памятники», в которых «события излагались подробнее, чем в дошедших текстах Рогожского летописца и Симеоновской летописи»<sup>110</sup>.

А. А. Шахматов был прав, когда писал, что «повесть по Симеоновской и Рогожской летописям составлена не по одному, а по двум источникам»<sup>111</sup>. Как мы убедились, одним из этих источников была подробная редакция Летописной повести о Куликовской битве, вторым — находящийся ранее в тех же летописях рассказ о битве на Воже. Это ясно отобразилось не только в неоправданном перемещении упоминания о переправе через Оку. Есть текстологические «швы», о которых пишет В. А. Кучкин, согласившийся и с частью примеров, приведенных в данной связи А. А. Шахматовым. В. А. Кучкин обратил внимание на то, что в краткой редакции «дважды сообщается о бегстве полков Мамаея: “...а Мамаевы плъци погани побѣгоша” и ниже: “побѣгоша, обратя плъци свои на язвы”»<sup>112</sup>. Но первый оборот — часть фрагмента, перефразировавшего взятое из рассказа о битве на Воже, там читалось: «Татарове... побегоша за реку за Вожу, а наши после за ними, бьючи их и секучи и колючи»<sup>113</sup>, в кратком же рассказе о Куликовской битве читается: «...а Мамаевы плъци погани побѣгоша, а наши после, бьюще, сѣкуще поганых без милости»<sup>114</sup>. Второй оборот взят в краткую редакцию из подробной редакции Повести о Куликовской битве, там читается: «Татаровѣ с Мамаем побегоша... обратиша плъци своя на язвы»<sup>115</sup>.

Однако близкие повторы сходных оборотов — не обязательно результат соединения двух источников: причиной может быть сокращение подробной редакции, где, например, на значительном расстоянии и в неодинаковой связи упоминалось чистое поле — традиционный образ устных источников и даже живой речи. О бегстве Мамаея «въ малѣ дружинѣ» говорится при завершении рассказа о самой битве в краткой редакции, что, действительно, дублирует аналогичное упоминание в ее эпилоге, который взят почти дословно из подробной редакции. Этот повтор мог принадлежать самому автору краткой редакции, так же как и двойное упоминание о возвращении великого князя — в разной смысловой связи и разным текстовым выражении, при отсутствии каких-либо дополняющих фактических сведений. Двух последних случаев, думается, слишком недостаточно для предположения, что составитель краткой редакции использовал еще и какой-то третий источник — до нас не дошедший. Само предположение о недошедших памятниках, описывавших Куликовскую битву и повлиявших на краткую редакцию Повести о ней, представляется здесь излишним ввиду отсутствия данных о их фактическом содержании сверх того, что восходит к дошедшему тексту подробной Повести, читающейся в составе НЛД<sup>116</sup>.

<sup>109</sup> Там же. С. 13.

<sup>110</sup> Там же. С. 15.

<sup>111</sup> Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. С. 125.

<sup>112</sup> ПКЦ. С. 14.

<sup>113</sup> ПСРЛ. Т. XVIII. С. 127.

<sup>114</sup> ПКЦ. С. 9.

<sup>115</sup> Дубр. Л. 256. Ср.: Арх. Л. 369.

<sup>116</sup> Но, как справедливо пишет В. А. Кучкин, протограф Рогожского летописца и Симеоновской летописи «не отвечает той характеристике, которую дала повествованию о Куликовской битве в Симеоновской летописи М. А. Салмина: «Рассказ Симеоновской летописи на всем протяжении стройный, в нем нет ни одного повторения, события описываются в четкой последовательности, никаких литературных “источников” в нем не обнаруживается», что этот рассказ «композиционно стройный, не имеющий никаких следов более полного оригинала» (даны отсылки к страницам статей М. А. Салминой 1966 и 1977 годов. (См.: ПКЦ. С. 14)). По поводу неубедительности некоторых полемических пассажей М. А. Салминой в связи с ее обращениями к Симеоновской летописи В. А. Кучкин пишет: «...оспаривая мнение С. Н. Азбелева о первоначальности фразы в Новгородской летописи Дубровского о приезде к Дмитрию Донскому рязанских бояр, М. А. Салмина указывает, что в первоисточнике этой летописи речь шла о приезде к Дмитрию не рязанских бояр, а рязанских князей. М. А. Салмина основывается при этом на тексте Симеоновской летописи (См.: Салмина М. А. Еще раз

В. А. Кучкин пишет, что в подробной редакции «излагаются две версии о гибели Мамаю. Одна заимствована из текста, представленного Рогожским летописцем и Симеоновской летописью. Она согласуется с восточными источниками и представляется достоверной». Так комментирована фраза Повести «... царь Тактамышь побѣди Мамаю и прогна его», введенная, по мнению В. А. Кучкина, «для соединения двух версий». Вторая версия — о гибели Мамаю в Кафе «впервые появляется в «Летописной повести» (подробной. — С. А.)... Она противоречит первой и является, по-видимому, недостоверной. ...Вероятно, весь рассказ о Мамае в Кафе, — указывает В. А. Кучкин, — построен на слухах, которые доходили до Москвы и других русских городов благодаря купцам-сурожанам, торговавшим с итальянскими колониями в Крыму»<sup>117</sup>. На непроверенных слухах могли основать свой рассказ составители Повести в ближайшие годы после гибели Мамаю. Но едва ли это могло случиться на несколько десятков лет позднее самого факта и много позже фиксации истины о нем в краткой Повести составителем Свода 1408 года (если считать, что к ней восходила распространенная Повесть, которую использовал в своем труде составитель НСС). В подробной редакции фактически нет двух версий: о гибели Мамаю в ней говорится один раз, и все сказанное здесь по данному поводу не содержит внутренних противоречий, представляя собой рассказ, состоящий из трех последовательных эпизодов. В Своде 1408 г. второй эпизод был выпущен, а к тексту первого добавлены слова «и убиша Мамаю»<sup>118</sup>. В Москве имели уже достоверную информацию о гибели его от рук воинов, посланных в погоню Тохтамышем, и ввели эти слова взамен основанного на слухах недостоверного эпизода первоначальной подробной редакции Повести (о предательском убиении Мамаю кафинцами). Эта редакция была достоверна лишь в изложении фактов, имевших непосредственное отношение к Куликовской битве, так как основывалась на рассказе ее участника. Позднейшая краткая редакция, уточнившая факт периферийный, допустила существенную неточность в изложении основных фактов (движение войск к месту сражения), так как была уже плодом литературного компилирования.

При необходимости можно будет продолжить подробное рассмотрение соотношений первоначальной редакции и редакции, дошедшей в составе Симеоновской летописи и Рогожского летописца. Пока это представляется излишним, так как важный тезис А. А. Шахматова и С. К. Шамбинаго, выводы которых в данном случае совпали, представляется в достаточной мере подтвержденным: краткая редакция Летописной повести о Куликовской битве основана на извлечениях из пространной редакции. Сколько-нибудь веских аргументов в пользу обратного соотношения мне неизвестно<sup>119</sup>.

Важное звено среди редакций этой повести представляет ее текст в составе младшего извода Новгородской 1-й летописи. О нем писал уже А. А. Шахматов, разбирая труд С. К. Шамбинаго, а после комментариев и примечаний В. А. Кучкина специальную работу

о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. С. 14). Однако в более раннем Рогожском летописце читается «бояре рязаньстии»; в протографе Симеоновской летописи чтения «князи» не было» (ПКЦ. С. 13).

<sup>117</sup> ПКЦ. С. 62.

<sup>118</sup> Там же. С. 11.

<sup>119</sup> Не были разобраны доводы М. А. Салминой, которые базируются лишь на субъективном прочтении текста или недоразумениях. Неверно, будто подробная Повесть отличается от текста в Симеоновской летописи тем, что в первой «рядом идут две стилистические системы: книжно-риторическая и летописно-документальная» (Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». С. 360). То и другое (если принять терминологию М. А. Салминой) есть и в Симеоновской летописи. Присутствует в ней и то, что М. А. Салмина считает повторениями и «нарушениями плана», принадлежащими только подробной Повести (Там же). Нет оснований утверждать, что стилистическая «формула боя» в подробной Повести распространена сравнительно с текстом в Симеоновской летописи (Там же. С. 361). Столь же вероятно обратное, но последнее подкрепляется текстом Жития Александра Невского. Неверно, будто отсутствие в Симеоновской летописи цитат из других литературных источников Повести — свидетельство первичности (Там же. С. 359). Эти цитаты находятся в риторических пассажах Повести и должны были выпасть при сокращении, оставившем только самое главное из фактической основы Повести. Слабость ряда аргументов С. К. Шамбинаго, подробно обсуждаемая М. А. Салминой (Там же. С. 360—364), не послужила опровержению защищавшегося им тезиса (подтвержденного затем А. А. Шахматовым).



посвятил этой редакции А. К. Зайцев, тоже рассматривавший ее в сопоставлении и с редакцией Свода 1408 года, а не только с редакцией, находившейся в НСС. Результаты их наблюдений позволяют теснее связать литературную историю Повести о Куликовской битве с общей историей летописания.

А. А. Шахматов предполагал, что рассказ о битве в Новгородской 1-й летописи использовал три источника: в основе было сокращенное извлечение из НСС, дополненное, как «кажется», некоторыми чтениями, вставленными из несохранившейся редакции Новгородской 1-й летописи 1433 года и испытывавшее «влияние» Московской летописи, о котором можно судить «по вставкам, попавшим из нее в список Дубровского»<sup>120</sup>. Основаниями для А. А. Шахматова явились, главным образом, частые упоминания князя Владимира Андреевича рядом с Дмитрием Ивановичем, характерные именно для рассказа о битве в Новгородской 1-й летописи. Большинство этих упоминаний не было в НСС, а одно даже является в тексте Новгородской 1-й летописи очевидной вставкой. Но А. А. Шахматов привел и довольно обширный сопоставительный материал отдельных чтений, основанный на придирчивом сличении привлеченных им летописных текстов и использованный в недавних работах.

По наблюдениям В. А. Кучкина, которые им продемонстрированы на параллельных текстах, «существование ряда общих чтений Новгородской I летописи младшего извода и Рогожского летописца свидетельствуют о том, что при составлении статей 1380 г. в протографах обоих памятников был использован общий источник, причем по-разному»<sup>121</sup>. Согласно выводам исследователя, «промосковская окраска рассказа о Донском побоище в Новгородской I летописи младшего извода, а также в Рогожском летописце, заставляет думать, что в них использована, вероятнее всего, статья московского летописного памятника, предшествовавшего своду 1409 г.»<sup>122</sup> Оба тезиса представляются вполне обоснованными.

По достаточно аргументированному заключению А. К. Зайцева, «рассказ НЛ на 12–13 лет старше», чем краткая редакция Повести о Куликовской битве в Своде 1408 года, причем «в середине 1390-х г. существовало некое сравнительно пространное повествование о Донской битве», которое «в то время находилось в распоряжении новгородского летописца»<sup>123</sup>. Как пишет А. К. Зайцев, это была «некая повесть о побоище на Дону, в основе которой лежал московский летописный рассказ», причем непосредственный протограф Новгородской 1-й летописи отличался «яркой «просерпуховской» окраской». Автор связывает этот протограф «с так называемым “семейным летописцем Владимира Андреевича Серпуховского”» (отсылая к суждениям об этом летописце М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова). Согласно мнению А. К. Зайцева, «Повесть-протограф “О побоищи на Дону”, вероятнее всего, была создана в Москве и, учитывая промежуточную «просерпуховскую» Повесть, может быть датирована 1380-ми г.»<sup>124</sup>

В итоге своей работы А. К. Зайцев соглашается с моей датировкой пространной Повести и даже приводит дополнительные аргументы в пользу отнесения ее создания к 1385–1386 г. Но думается, что он неоправданно усложнил процесс ее формирования, который, согласно построению А. К. Зайцева, схематически предстает следующим образом.

1. Старейшим из дошедших летописных повествований о Куликовской битве «является текст Краткой летописной повести середины 1390-х г.» в Новгородской 1-й летописи.

2. Протографом этой повести «и основным историческим источником Летописной повести» Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей «послужила «Просерпуховская повесть» о побоищи на Дону».

<sup>120</sup> Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. С. 127, 129.

<sup>121</sup> ПКЦ. С. 26.

<sup>122</sup> Там же. С. 27.

<sup>123</sup> Зайцев А. К. О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи. С. 32.

<sup>124</sup> Там же. С. 36–37.

3. «Просерпуховская повесть» восходила к московской «Повести-протографу» 1380-х г., основанной на тексте не дошедшего до нас раннего источника — московской летописной реляции о Куликовской битве, нашедшей также частичное отражение» в тексте Рогожского летописца и Симеоновской летописи<sup>125</sup>.

Представление о реляции как основе «Повести-протографа» в статье А. К. Зайцева обоснования не получило, но много говорится о предполагаемой «Просерпуховской повести» и приводятся параллели между частями ее предполагаемого текста в составе Новгородской 1-й летописи, соответствующими частями текста Повести в Новгородской 4-й и соотносимыми фрагментами Рогожского летописца.

Весьма правдоподобная гипотеза М. Д. Приселкова о существовании частного летописца князя Владимира Андреевича была конкретизирована А. Н. Насоновым, который вычленил известия, связанные с этим князем, в составе сгоревшей Троицкой летописи<sup>126</sup>. Из содержания известий явствует, что это был именно семейный летописец, использованный в летописном своде по причине близости Владимира Андреевича к митрополиту Киприану, крестившему его сына вместе с троицким игуменом Сергием Радонежским в 1381 г. Но никаких данных в пользу предположения А. К. Зайцева о связи семейного летописания этого князя с появлением особой «Просерпуховской повести» о Куликовской битве в упомянутых известиях нет.

Однако «просерпуховские» словосочетания, наличие которых в Новгородской 1-й летописи подробно отметил уже А. А. Шахматов, требуют, конечно, объяснения, и его естественнее всего искать как раз в близости князя Владимира Андреевича к митрополиту Киприану. Свод 1408 года был оформлен через два года после его смерти, и удивительная краткость находящейся в этом своде редакции Повести о Куликовской битве обязана, конечно, не Киприану. Она следствие нашествия Едигея. Повествование об этом бедствии, завершившее Троицкую летопись, не сочеталось бы с пространным описанием победы над татарами, которые только что как бы взяли реванш и в течение трех недель разоряли Русскую землю, грабили и жгли русские города, истребляли их жителей и увели толпы русских пленников. Подробную повесть о событии 1380 г. сочли здесь несвоевременной и наскоро смонтировали вместо нее короткий рассказ.

Но такая повесть должна была, конечно, присутствовать в предшествовавшем летописном своде, к которому даже отослал своего читателя (правда, в иной связи) составитель Свода 1408 г.: «...аще хощеша распытовати, разгни книгу Лѣтописецъ Великий Русьский»<sup>127</sup>. А. А. Шахматов писал, что это была «книга, содержащая общерусский свод, ибо что другое можно разуметь под “Великим лѣтописцем”?» ...свод этот был доведен до 1390 г., то есть до окончательного утверждения в Москве митрополита Киприана. Вот откуда мы получаем основание говорить о Киприановской редакции общерусского свода»<sup>128</sup>. Позднейшие работы были не так давно рассмотрены Г. М. Прохоровым, который разделил мнение А. А. Шахматова<sup>129</sup>, а появившаяся впоследствии книга Л. Л. Муравьевой специально обсуждала соотношение Летописца Великого Русьского (далее — ЛВР) с Троицкой летописью. По заключению Л. Л. Муравьевой, «в ЛВР, вполне вероятно, были уже Повесть о битве на Пьяне, Рассказ о битве на Воже, Повесть (или подробный Рассказ) о Донском побоище, Повесть (или подробный Рассказ) о Тохтамыше и Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче»<sup>130</sup>.

<sup>125</sup> Там же. С. 44.

<sup>126</sup> См.: Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 191; Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. С. 365–368.

<sup>127</sup> Приселков М. Д. Троицкая летопись / Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 439. Цитированная фраза — часть фрагмента реконструкции, документированного выпиской Н. М. Карамзина из сгоревшей рукописи.

<sup>128</sup> Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. № 9. С. 151.

<sup>129</sup> См.: Прохоров Г. М. «Лѣтописецъ Великий Русьский». Анализ его упоминания в Троицкой летописи // Летописи и хроники. 1976 г. С. 67–71.

<sup>130</sup> Муравьева Л. Л. Московское летописание второй половины XIV – начала XV века. М., 1991. С. 181.

Составленная в 1386 году Повесть о Куликовской битве, естественно, должна была попасть в ЛВР. Киприановский летописный свод, передавая текст столь актуального тогда повествования, вряд ли не отразил бы хоть в какой-то мере личные симпатии и антипатии митрополита, до того дважды изгонявшегося из Москвы великим князем, которого после первого своего изгнания, за два года до Куликовской битвы, митрополит даже предавал проклятию. Но тенденция проявилась только в осторожном смещении акцентов, возвысившем значение князя Владимира Андреевича, что косвенно несколько принижало личные заслуги великого князя. Наиболее показательный пример такой редакции отметил первым А. А. Шахматов. В Новгородской 1-й летописи читаем: «Князь же великий Дмитрии, с братомъ своимъ с Володимеромъ, изрядивъ полкы противу поганыхъ Половецъ и възрѣвъ на небо умлныма очима, въздохнувъ из глубины сердца, рекоста слово псаломъское»; в Новг[одской] 4-й и Соф[ийской] 1-й, вместо «с братомъ своимъ с Володимеромъ», читаем: «съ всѣми князми Рускими», а вместо «рекоста» — «рече», что согласуется с предшествующими «възрѣвъ» и «въздохнувъ»<sup>131</sup>. Указанные А. А. Шахматовым текстуальные отличия от Новгородской 1-й летописи имеет и НЛД.

А. К. Зайцев, подсчитав, что из шести случаев упоминания в Новгородской 1-й летописи великого князя Дмитрия пять раз к нему добавлено упоминание его брата князя Владимира, по-видимому, не учел, что предпоследний из пяти отмеченных им случаев нельзя отнести к «просерпуховским» изменениям, так как он (и только он) соответствует тексту летописей, восходящих к НСС. Но именно в этом случае летописи, восходящие к Своду 1408 г., заменяют упоминание Владимира Андреевича «прочими князи Русскими»<sup>132</sup>. Из четырех остающихся случаев три — в составе фрагментов, не имеющих параллелей в тексте Симеоновской летописи. Соотносится с ее текстом первый пример — самое начало Повести в Новгородской 1-й летописи: «В то же лѣто, мѣсяца августа, приидоша вѣсти из Орды к великому князю Дмитрею и брату его князю Владимиру, яко же въздвизается на крестианы измаилтеиский род поганый»<sup>133</sup>. В Симеоновской, как и в других летописях, эта фраза не содержит упоминания князя Владимира. Но нет его и в предыдущей фразе Симеоновской летописи (начинающей в ней текст Повести), где сообщается, что Мамай «поиде на великаго князя Дмитриа Ивановичя», хотя аналог этой фразы в НЛД и в Новгородской 4-й летописи дает чтение «и на брата его князя Володимера Андрѣевича»<sup>134</sup>. Таким образом, выясняется, что составитель Свода 1408 г., везде опустивший упоминания князя Владимира, исключал его и из текста, восходившего к первоначальной Повести, и из добавлений, читавшихся в тексте ЛВР. Новгородский же летописец, напротив, заботливо сохранял пассажи, косвенно умалявшие роль великого князя (сохранял даже при явных редакционных сокращениях окружающего текста ЛВР), что было естественно на фоне тогдашних отношений между Москвой и Новгородом.

В. А. Кучкин, обоснованно возражая против мнения Я. С. Лурье о зависимости рассказа о Куликовской битве в Новгородской 1-й летописи от НСС, справедливо указал, что списки Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей «не содержат целого ряда чтений, которые в Новгородской I летописи совпадают с Симеоновской»<sup>135</sup>. Он внимательно процитировал случаи совпадений текста Повести в Новгородской 1-й с текстом ее в Рогожском летописце и Симеоновской летописи<sup>136</sup>. Если сопоставить эти примеры с соответствующими

<sup>131</sup> Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. С. 129. Ср.: Зайцев А. К. О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи. С. 36.

<sup>132</sup> Ср. сопоставление текстов: Зайцев А. К. О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I летописи. С. 35.

<sup>133</sup> Здесь и далее см. тексты: ПКЦ. С. 9–10 и 22–23.

<sup>134</sup> Дубр. Л. 248. Аналогично см.: Арх. Л. 361 об. и ПКЦ. С. 65.

<sup>135</sup> ПКЦ. С. 24.

<sup>136</sup> См.: ПКЦ. С. 25–26.

им местами в текстах Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей, то легко убедиться в наличии упомянутых им разночтений (иногда достаточно существенных).

Все это подтверждает тезис исследователя о восхождении текстов в Новгородской 1-й и Симеоновской к общему протографу, использованному в них по-разному, но не подтверждает мнения, что «рассказ Новгородской I летописи был использован составителями Новгородско-Софийского свода». Упоминаемая автором в данной связи фраза о москвичах-небывальцах, которые «видѣвше множество рати татарской, устрашишяся и живота отчаявшися, а инии на бѣгы обратишася», помещена в Новгородской 1-й летописи не там, где ее приводят НЛД и летописи, восходящие к НСС. Новгородский летописец, редактируя (а не только сокращая) текст ЛВР, поместил этот пассаж не за описанием драматического эпизода битвы, а перед устройением русских полков до начала сражения. Изменению подвергся и самый текст фразы: вместо «то видѣвше» — «видѣвше множество рати татарской»<sup>137</sup>. В результате усугубился обидный для этих москвичей смысл: они обращаются в бегство, испугавшись одного только вида вражеского войска. Впоследствии такую «антимосковскую» тенденцию попытался не без успеха нейтрализовать составитель Новгородской Большаковской летописи (где текст Повести, в общем сходный с Новгородской 1-й, содержит и другие редакционные отличия). В ней читаем: «Наши же мнози небывалцы, видѣвше множество поганыхъ тотар, устрашишася, но помянуша слово, реченное пророком... аще не Богъ предасть их»<sup>138</sup>.

В тексте Повести НЛД и летописей, восходящих к НСС, на самом деле отсутствует «нелогичный переход от описания ощущения Мамаем своего поражения к описанию бегства москвичей-небывальцев»<sup>139</sup>. Оно следует в Повести не за сетованиями Мамаю (в которых еще нет ощущения своего поражения — об этом идет речь значительно позже), а за помещенной после них сентенцией самого автора Повести: «Что намъ рѣщи или глаголати, видяще злострасную сию смерть? Инии же мечемъ пресекаеми бываху, а инии сулицами прободаеми бываху, инии же на копия взимаеми бываху»<sup>140</sup>. Непосредственно предшествует в Повести НЛД и этой сентенции, и горестным восклицаниям Мамаю описание наиболее драматического этапа битвы, когда в результате удара «потаенного» полка князя Владимира Андреевича «бысть сѣча велика, яко и земли двизатися, а Дон река кровью протече, а главы аки камение валяхуся в дуброве»<sup>141</sup>. Как раз тогда и было от чего «устрашиться и живота отчаяться» московским «небывальцам». Согласно тексту Повести НЛД и летописей, восходящих к НСС, в тот момент не меньше испугались татары: «А иные сыны агаряны на бег устремишася от клича велика, зрящее злаго убиства»<sup>142</sup>. В Новгородской 1-й летописи нет фразы об испуге и бегстве татар. Сопоставление одинокого пассажа этой летописи о «небывальцах» с рассмотренным только что комплексом взаимосвязанных фрагментов НЛД, Новгородской 4-й и Софийской 1-й свидетельствует о невозможности возводить тексты Повести в этих летописях к тексту ее, находящемуся в Новгородской 1-й<sup>143</sup>.

<sup>137</sup> Ср.: Дубр. Л. 255 об.; Арх. Л. 368; ПКЦ. С. 22, 37, 76.

<sup>138</sup> Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20) С. 358.

<sup>139</sup> ПКЦ. С. 25.

<sup>140</sup> Дубр. Л. 255–255 об. Ср.: Арх. Л. 368 об.; ПКЦ. С. 37, 76.

<sup>141</sup> Дубр. Л. 255. Ср.: Арх. Л. 368–368 об.

<sup>142</sup> Дубр. Л. 255 об. Ср.: Арх. Л. 368 об.; ПКЦ. С. 38, 76.

<sup>143</sup> С этой достаточно спорной, на мой взгляд, гипотезой связаны несколько периферийных тезисов В. А. Кучкина, в частности, не подкрепленное примерами утверждение, что «характерная черта “Летописной повести” в Софийской I летописи — постоянное упоминание при имени Дмитрия Ивановича его двоюродного брата князя Владимира Андреевича» (ПКЦ. С. 47). На самом деле эта черта характерна для Повести в Новгородской 1-й летописи, но не в Софийской. В последней таких упоминаний меньше даже, чем в Новгородской 4-й летописи. В обеих последних летописях, как правило, бывает назван один Дмитрий Иванович.

Этот текст восходит, очевидно, к Киприановской обработке подробной редакции Повести. Киприановская обработка читалась в составе ЛВР. Он и был использован новгородским редактором, из рук которого вышла краткая Новгородская редакция Повести, попавшая в текст Новгородской 1-й летописи младшего извода. Эта редакция явилась результатом препарирования извлечений из Киприановской обработки подробной Повести. Тот же источник послужил материалом для составителя Свода 1408 г., который, по-видимому, спешно сформировал краткую Московскую редакцию Повести, оснастив свои выборки из подробной Повести, находившейся в составе ЛВР, использованием близкого по теме рассказа о битве на Воже в той же Троицкой летописи.

Согласно А. А. Шахматову, к 1423 году относилось составление Свода митрополита Фотия, который по охвату материала и разнообразию источников значительно превосходил ЛВР митрополита Киприана. М. Д. Приселков (датировавший этот свод 1418 годом), отмечал, что составитель «привлек для своей работы немало новых материалов, в большинстве случаев внелетописного характера (сказания, повести, послания, грамоты), которые должны были придать новому своду характер не только исторического обзора прошлых судеб Русской земли, но и назидательного чтения»<sup>144</sup>. Мы не знаем, целиком ли входила в ЛВР Повесть о Куликовской битве, дошедшая до нас в составе НЛД, но Свод митрополита Фотия включил ее всю. Во всяком случае, таково было мнение А. А. Шахматова уже в 1901 г. — еще до появления труда С. К. Шамбинаго и за десять лет до публикации отзыва на него, принадлежавшего А. А. Шахматову. Характеризуя состав Свода митрополита Фотия, он писал, что «в летописный свод впервые в 1423 году» было внесено «сказание «О побоище иже на Дону, и о том как князь великий бился с ордою»», которое, очевидно, было «составлено еще в XIV столетии». А. А. Шахматов уже в то время считал, что «наиболее близко к первоначальной редакции», попавшей в свод, «сказание это сохранилось в Новгородской 4-й, Софийских 1-й и 2-й, а также Ростовской Архивской летописях»<sup>145</sup>. В Новгородской 4-й летописи Повесть о Куликовской битве читается именно под тем заглавием, какое привел А. А. Шахматов, а текст в Архивской летописи — это единственный в то время известный текст Повести по НЛД. Следующим этапом был НСС 30-х г. XV в.

По текстам Новгородской 4-й, Софийской 1-й и других летописей видно, что НСС в наименьшей степени сократил Повесть. Остались в ней даже выпады против Олега Рязанского. В 30-х г. XV в. были для этого основания, так как тогдашний рязанский князь Иван Федорович заключил союзный договор с Витовтом, а несколько позже — с врагом Василия Темного Юрием Дмитриевичем Галицким и только в 1447 г. признал зависимость от Василия Темного, обязавшись, как и предшествовавшие князья Рязани, не помогать Литве и татарам. Но в НСС было опущено все, что могло хоть в какой-то мере быть истолковано в ущерб престижу Дмитрия Донского, — даже реальные сведения о выдающейся роли в 1380 г. его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского. Это естественно обусловлено происходившей в то время ожесточенной борьбой прямых наследников Дмитрия Донского за единовластие и за введенный им порядок престолонаследия. В связи, очевидно, с событиями того времени был выпущен и подробный перечень воевод перед описанием боя: потомки их не могли находиться в одном политическом лагере в 30-х годах XV в.

Впрочем, некоторые сокращения не были связаны с соображениями этого рода: составителю показалась неуместной после фразы о видении русским Бориса и Глеба фраза «Тако же и погании видѣша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно» (см. пример 14).

<sup>144</sup> Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV веков. С. 207.

<sup>145</sup> Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. № 11. С. 65.

<sup>146</sup> Предварительный опыт такой реконструкции был мною предложен (См.: Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники. 1981. С. 129–141).

Из-за пропуска оказалась неувязка, так как по смыслу следующей, оставленной фразы речь идет все еще о видении татарам. Упоминание множества избитых врагов, оказавшееся рядом со вставкой по синодику, было, очевидно, сочтено в таком соседстве также неуместным (пример 19).

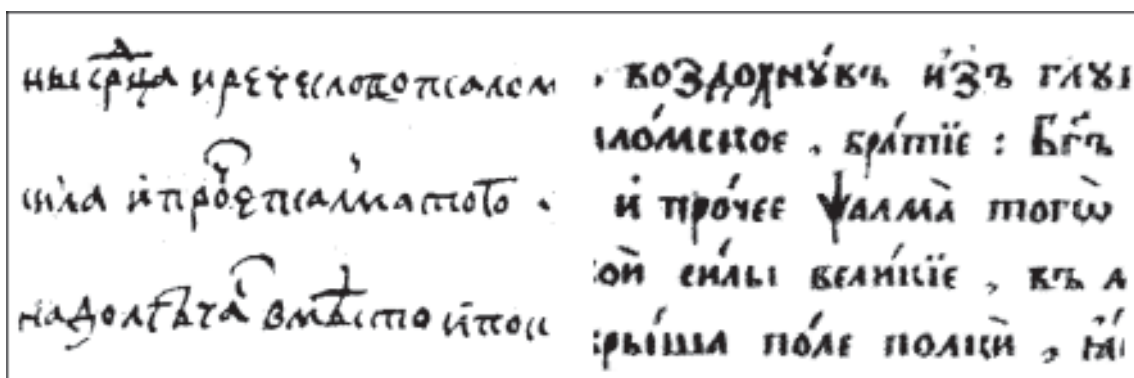
Главная ценность текста Повести о Куликовской битве по НЛД в том, что он представляет собой извод памятника не только наиболее ранний, но и наиболее полный в отношении фактической его основы. Исключив из текста все, что является результатом литературной обработки, можно было бы представить с достаточной степенью приближения повествование участника событий<sup>146</sup>.

В основе это была, по-видимому, запись устного рассказа, а не письменное сочинение, созданное опытным книжником, хотя бы и по личным воспоминаниям. Очевидцу, а тем более непосредственному участнику драматических событий, определявших и его личную судьбу, не удастся, как правило, везде выдерживать строгую последовательность в рассказе о них, даже спустя несколько лет. В таком рассказе неизбежны повторы, в частности, неоднократное использование образов, малосущественных своим фактическим содержанием, но эмоционально насыщенных.

Характерный пример этого в тексте Повести, сохранившемся в НЛД, двукратное использование оборота, который даже перешел затем из Повести в Слово о житии и преставлении... Дмитрия Ивановича: «главы аки камень валяхуся в дуброве» (пример 11), «по дубровам главы аки камень валяшеся» (пример 19). Вид множества отрубленных вражеских голов, валяющихся подобно камням после конной атаки «потаенного» полка, был, очевидно, настолько впечатляющим, что рассказчик упомянул об этом дважды — в разных местах своего повествования. В Слове о житии и преставлении... рассказ о Куликовской битве содержит всего несколько фраз, основанных на тексте Повести, но включает ее оборот «главы татарьскы аки камень валяшеся»<sup>147</sup>. Существенно, что этот образ есть только в тех частях Летописной повести, которые составляют принадлежность НЛД, но его нет в сокращенном тексте летописей, восходящих к НСС. Следовательно, Епифаний Премудрый (наиболее вероятный автор Слова) имел уже в своем распоряжении тот полный текст Повести, который читается в НЛД.

А. А. Шахматов, внимательно отмечая случаи смысловых шероховатостей в Летописной повести, склонен был объяснять их предполагаемым соединением в ней нескольких источников<sup>148</sup>. Аналогично их объясняют и современные исследователи, хотя необходимо в подобных случаях учитывать особенности устной традиции.

#### ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СНОСКЕ 19.



РНБ. ОСРК. F.IV.238. Л. 254 об.

РГАДА. Ф. 181. Ед. хр. 20. Л. 367 об.

<sup>147</sup> ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 152.

<sup>148</sup> Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. С. 141–143 и др.